ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-Я.

ІЮНЬ, 1900.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1900.

Стр.

I.—ЧЕРВОНЫЙ ХУТОРЪ. — Романъ. — XLIII-LIII. — Окончаніе. — **В. І. Дмитріевой** 421

II.—ЦѢЛЬ И НАЗНАЧЕНІЕ ДОМОВЪ ТРУДОЛЮБІЯ. — Очеркъ. — I-VIII. — **А. Горовцева.** 497

III.—ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ ОРХИДЕИ.—Разсказъ.—**Л. П—вой.** 548

IV.—УЧЕБНЫЕ КОНТРАСТЫ И НУЖДЫ. — Юго-западный край. — I-II. — **Л. К—ка** 604

V.—ИЗЪ АДОЛЬФА БЕККУЭРА.—„О, какъ мертвецы одиноки!“ — Перев. **П. И. Вейнберга** 620

VI.—ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.—Разсказъ.—I-X.—**Н. П. Сусловой** . . . 624

VII.—ДЖОНЪ РЁСКИНЪ.—1819—1900 г.—I-V.—**З. Венгеровой.** 674

VIII.—ЖЕНА—АМЕРИКАНКА, и АНГЛИЧАНИНЪ МУЖЪ.— „American Wives and English Husbands“, by G. Atherton. — XVIII-XXX. — Окончаніе. — Съ англ. **А. Б—г—** 693

IX.—СФИНКСЪ.—Стих. **С. Фруга.** 767

X.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Опубликованіе работъ коммиссіи, пересматривавшей законоположенія по судебной части. — Единство правосудія, какъ одно изъ условій нормальнаго судебнаго строя. — Устройство мѣстной юстиціи. — Проектируемыя перемѣны въ организаціи слѣдственной части.—Почетные судьи 769

XI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Борьба партій во Франціи.—Новые отголоски дѣла Дрейфуса въ парламентѣ.—Вальдекъ-Руссо и его противники.—Положеніе дѣлъ въ Англіи. — Британскій патріотизмъ. — Военныя дѣйствія въ Южной Африкѣ.—Политическій кризисъ въ Австріи 786

XII.—ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ТВЕРСКОГО О СУДЬБѢ ДУХОБОРОВЪ ВЪ КАНАДѢ.—Письмо въ Редакцію.—**А. Сакмарова** 797

XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, т. II.—**А. Пыпина.**—Т. Осадчій, Сила деревни.—**Д.**—Littérature russe, par Waliszewski.—A Hystory of Russian Literature. By K. Waliszewski.—**А. П.**—Новыя книги и брошюры 800

XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Dr. R. M. Meyer, Die deutsche Litteratur des XIX Jahrhunderts. — II. Joh. Schlaf, Das dritte Reich. Ein Berliner Roman.—**З. В.** 821

XV.—НЕКРОЛОГЪ.—I. М. С. Скребицкая (Юрьевичъ).—**М.**—II. В. П. Преображенскій.—**Владиміра Соловьева** 832

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Новый походъ г. Глинки-Янчевскаго „во имя идеи“.—„Право“ и „правда“; неправосудіе и судебныя ошибки; несмѣняемость судей и устои правосудія. — Нѣчто о „жрецахъ науки“.—Отвѣтъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“.—Письмо г. Тверского и духоборы.—Двѣ майскія годовщины: А. В. Суворовъ и Ѳ. Г. Волковъ 838

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Изъ прошлой дѣятельности, Н. В. Муравьева, т. I. — Три разговора, Влад. Соловьева. — Война и трудъ, М. В. Аничкова.—Народъ-богатырь, С. И. Раппопорта.

XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и вторую четверть 1900 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ИЗЪ
НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО

РАЗСКАЗЪ.

I.

Былъ ясный лѣтній вечеръ. На зеленомъ холмѣ, близъ одного изъ подмосковныхъ дачныхъ селеній, сидѣли двѣ молодыя дѣвушки-сестры и одинъ молодой человѣкъ. Раскинувшееся внизу село было очень красиво съ своими бѣлыми строеніями, окруженными густой зеленью садовъ, и золоченымъ куполомъ церкви, величественно сіявшимъ въ красноватомъ освѣщеніи солнечнаго заката; но молодые люди не обращали на все это вниманія, занятые дружеской бесѣдой.

— Какъ я рада,—говорила младшая изъ сестеръ,—что мы уйдемъ отсюда! Намъ нужно учиться, чтобы стать способными къ хорошей трудовой жизни, а здѣсь это невозможно... Но для успѣха въ занятіяхъ мнѣ необходимо обуздать мое стремленіе—все поскорѣе узнать, повсюду быть, все прочувствовать залпомъ... Я отлично понимаю, что прежде всего мнѣ нужно выяснить себѣ мои собственныя склонности и способности, потомъ установить основанныя на нихъ опредѣленныя цѣли жизни—и на этихъ цѣляхъ остановиться, не растрачиваясь болѣе на порывы во всѣ стороны. А все же, при моей необузданности, мнѣ трудно смириться, укротить порывы—все знать, все видѣть, во всемъ живомъ принимать участіе...

— Кромѣ этого, Вѣра,—сказалъ молодой человѣкъ,—вамъ необходимо умѣрить вашу нетерпѣливость и торопливость. Послѣ нашей свадьбы съ Еленой и нашего отъѣзда въ Парижъ, вы непремѣнно должны прожить нѣкоторое время совершенно мирно съ вашими родителями. Было бы крайне жестоко оставить ихъ однихъ сразу, не давъ имъ времени постепенно примириться съ образомъ вашей жизни. Вы такъ молоды, что успѣете во-время выполнить все, вами задуманное.

— Конечно,—отвѣтила съ живостью Вѣра,—я останусь съ ними, пока они не примирятся съ моими цѣлями и не свыкнутся съ мыслью о моемъ отъѣздѣ. Я это сдѣлаю, потому что вы, Викторъ, этого отъ меня требуете, потому что вы утверждаете, что такъ *слѣдуетъ* поступить... При такой вашей настойчивости я, конечно, не позволю себѣ передъ ними вдругъ и вполнѣ высказаться, хотя вы не можете себѣ представить, до какой степени система недоговариванья, смягченія и умалчиванья, какъ вообще всякая неискренность, противна моей душѣ! Я, конечно, не поражу ихъ моимъ немедленнымъ заявленіемъ всѣхъ моихъ намѣреній, хотя я всѣмъ моимъ существомъ чувствую, что дурно жить такъ продолжительно съ затаеннымъ разсчетомъ постепенно добиться отъ родителей желаемаго, для этого хитрить съ ними—такими любящими, великодушными, и этимъ обезобразить лучшее время нашей совмѣстной жизни; что было бы лучше, честнѣе—упасть передъ ними на колѣни и высказать имъ все, что есть и какъ оно есть на сердцѣ...

— Нѣтъ,—перебилъ ее Викторъ,—ваши родители прожили жизнь при совершенно другихъ понятіяхъ, и имъ будетъ очень тяжело видѣть, что ихъ дѣти стремятся совсѣмъ не туда, куда они направляли ихъ усиліями цѣлой жизни. Необходимо подготовить ихъ къ этому огорченію...

— Повторяю,—я не позволю себѣ такъ поступить,—отвѣчала Вѣра,—когда вы требуете противнаго, а мнѣ самой—страшно ошибиться, страшно сдѣлать что-нибудь дурное, даже злое, хотя я не могу понять, какъ такой холодный разсчетъ, даже обманъ, можетъ быть проведенъ въ нѣжнѣйшихъ отношеніяхъ, не уродуя или даже не разрушая ихъ окончательно! О, я никогда не повѣрю въ смыслъ и пользу вашей филантропической лжи, я считаю ее злой и вредной вообще и особенно безсовѣстной по отношенію къ нашимъ родителямъ, гдѣ система лжи ради благихъ намѣреній мнѣ кажется особенно безобразной. Наши родители заслуживали бы лучшей участи въ отношеніяхъ съ своими дѣтьми. Выйдя изъ народа, изъ бѣдности, они вынесли суро-

вую школу мученій всякаго рода, которая смягчила ихъ до чрезвычайной чуткости и отзывчивости къ другимъ людямъ. Имъ, измятымъ и изстрадавшимся на всѣ лады, не страшно говорить о новыхъ требованіяхъ жизни. Только совершенно довольные люди крѣпко держатся за счастливый для нихъ складъ жизни, опасаясь всякихъ перемѣнъ.

— Конечно, ваши родители постепенно перенесутъ свою любовь къ вамъ на всѣ ваши мысли и поступки. Но путь, избранный вами для жизни, такъ необыченъ, что ихъ должны пугать затрудненія, которыя вы на немъ встрѣтите, и борьба, которую вы будете вынуждены вести.

— А развѣ дурно вести борьбу ради осуществленія милаго дѣла, желаемаго и другими любимыми людьми?—съ живостью сказала Вѣра.—Я знаю, что всякая борьба въ жизни имѣетъ свою черствость, даже жестокость, но вѣдь безъ борьбы невозможно никакое движеніе, такъ какъ каждый шагъ въ какомъ угодно направленіи, непремѣнно кого-нибудь обезпокоитъ, кому-нибудь помѣшаетъ, кому-нибудь непріятенъ—при теперешней запутанности человѣческихъ интересовъ. Но это содроганіе передъ необходимостью причинить кому-нибудь безпокойство, даже непріятность—пустая сентиментальность, подавляющая всякое живое движеніе.

— Это правда,—отвѣчалъ Викторъ.—Но ваши планы все же необходимо смягчить, чтобы они причинили какъ можно менѣе боли и огорченій вашимъ близкимъ. Скажите, какъ возникло ваше желаніе сдѣлаться врачомъ? Что и кто повліялъ на васъ? Разскажите мнѣ всю исторію вашего развитія?

— Я не могу,—задумчиво отвѣчала Вѣра,—ни указать на одно какое-либо лицо, ни назвать какой-либо опредѣленный фактъ, который бы внезапно произвелъ въ насъ душевный переворотъ. Наше теперешнее настроеніе сложилось медленно и постепенно подъ вліяніемъ многихъ, часто мелкихъ, иногда неуловимыхъ впечатлѣній. Первое вліяніе, предрасположившее къ особенностямъ въ нашей судьбѣ, оказала угрюмая обстановка нашего дѣтства: бѣдность, лишенія, тѣснота и суровость жизни; чрезвычайно добрая, но пассивная мать, энергическій, но угрюмый отецъ,—свобода и просторъ безконтрольнаго уличнаго воспитанія съ его случайными впечатлѣніями. Улица—высшая школа всѣхъ безпризорныхъ: она преждевременно открываетъ темныя стороны жизни, возбуждаетъ вопросы и устанавливаетъ душевное настроеніе... Потомъ, нашу скороспѣлость довершила плохая, обыкновенная у насъ школа, гдѣ мало развивался умъ, совершенно не затрогивалось сердце, а только обременялась память и мертвя-

щая дисциплина, для всѣхъ дѣтей одинаковый шаблонъ въ преподаваніи, вселяющій отвращеніе къ занятіямъ въ однихъ, искореняющій интересъ къ нимъ—въ другихъ дѣтяхъ, и полное отсутствіе любви, клеймо найма и тягостной обязанности на всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ кажется, что тяжелыя впечатлѣнія иногда дѣйствуютъ благопріятно: раздражая и огорчая, они вызываютъ иногда, при очень крупныхъ и грубыхъ своихъ насиліяхъ, возмущеніе, потребность въ лучшихъ условіяхъ, однимъ словомъ,—пробуждаютъ душу. У меня съ сестрой, именно путемъ огорченій, было возбуждено сознаніе положенія: сначала насъ волновало недовольство, потомъ туманное стремленіе къ лучшему, которое опредѣлилось впослѣдствіи чтеніемъ и окончательно установилось общимъ настроеніемъ тогдашняго образованнаго общества. Въ ту пору только-что пало крѣпостное право, всѣми чувствовалось радостное возбужденіе отъ свершившагося, бодрость для будущаго. Такая свѣтлая полоса въ общественной жизни—время общаго подъема духа, широкихъ стремленій и добрыхъ дѣлъ... Чтеніе и непосредственныя впечатлѣнія дѣйствительности убѣдили меня, что только трудъ даетъ содержаніе и смыслъ человѣческой жизни. Я стала искать себѣ занятія, которому бы мнѣ захотѣлось посвятить собственную жизнь, и тогда двѣ огромныя по своему значенію работы привлекли мое вниманіе и сочувствіе—воспитаніе дѣтей и уходъ за больными. Но чрезмѣрная трудность воспитанія испугала мою робость. Я подумала, что на этомъ пути, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, только по незнанію, легкомыслію и неумѣлости, отъ которыхъ трудно уберечься, можно завести въ дремучій лѣсъ неопытную, только-что начинающуюся жизнь, и громадность нравственной отвѣтственности за судьбу питомцевъ оттолкнула меня отъ этого занятія. При болѣе подробномъ изслѣдованіи дѣла, я рѣшила, что уходъ за больными проще, легче, доступнѣе, чѣмъ воспитаніе души, и вредъ, невольно причиненный тѣлу, легче пережить уязвленной совѣсти, чѣмъ вредъ душѣ. Сдѣлавъ такой выборъ, я, конечно, пожелала научиться этому дѣлу возможно больше и возможно лучше, и мысль, что такое занятіе въ своемъ полномъ размѣрѣ, обыкновенно, не предоставляется женщинамъ—не могла уже остановить меня.

— А я до сихъ поръ не нашла себѣ такого дѣла,—сказала Елена,—которому бы рѣшилась посвятить жизнь.—Я теряюсь передъ неопредѣленностью и призрачностью пользы, которую можетъ принести кому-то мой предстоящій трудъ. Мнѣ не по росту стремленія къ неопредѣленному добру для *людей вообще*,

для общества,—мнѣ нужны цѣли ясныя и у́же поставленныя, чтобы онѣ одушевляли меня. Я недоумѣвала, что̀ я могу предпринять, когда внѣ домашнихъ у меня не было никакихъ связей съ окружающимъ, когда все было мнѣ чуждо, ничто меня не касалось. Мнѣ казались невозможными поиски какихъ-то новыхъ путей въ жизни, казалось грубостью протискиваться на эти новые пути, разнося препятствія, толкая другихъ, причиняя другимъ досаду, иногда горе, даже, можетъ быть, страданіе, и двигаться впередъ, не зная твердо, *куда* и *для чего*. А оглядываясь вокругъ, я не находила никакого повода для моей работы: никто меня не искалъ, никто во мнѣ не нуждался, и я ничего не могла пожелать сердцемъ въ мірѣ, гдѣ мнѣ всѣ были чужіе. Только теперь, съ тобою, Викторъ, я испытываю настоящую потребность въ образованіи и дѣятельности. Ты, твоя дружба, твое благополучіе—вотъ мои цѣли и руководители черезъ всѣ трудности жизни. Я понимаю, что можно трудиться и совершенствоваться для пользы и отрады любимыхъ людей, но недоумѣваю, какъ нужно жить для пользы *людей вообще*. Неопредѣленность и призрачность такой задачи лишаетъ ее для меня всякаго обаянія, и я остаюсь передъ ней холодна и подавлена, не зная, за что и какъ приняться.

— Но теперь мы всѣ трое счастливы, силы наши непочаты и мы молоды: все впереди, все возможно, все въ нашихъ рукахъ. Мы употребимъ всѣ усилія, чтобы найти вѣрный путь къ хорошей трудовой жизни, мы будемъ крѣпко держаться другъ за друга, помогать другъ другу, и всѣ трое посвятимъ нашу жизнь на пользу другимъ людямъ, а слѣдовательно на наше счастіе.

Вѣра вскочила съ мѣста и встала на краю обрыва. Передъ нею широко разстилалась громадная равнина окрестности, съ разбросанными по ней многочисленными жилищами, и до нея ясно доносился шумъ проносившейся внизу жизни: грохотъ ѣзды, шумъ голосовъ.

— Туда! Туда!—вскрикнула она, простирая вдаль руки.— Помогать, любить, спасать, если сможемъ... Туда—вся работа, весь жаръ сердца...

Елена обернулась къ своему жениху своимъ сіяющимъ отъ восторга лицомъ и долго смотрѣла на него полными довѣрія и счастія глазами, какъ можно смотрѣть въ глаза любимаго человѣка только въ ранней молодости, не переживъ и даже не предчувствуя возможности разочарованій. И она долго не могла отвести отъ него своихъ любящихъ глазъ, на которые набѣжали

слезы сладкаго душевнаго волненія и текли по ея щекамъ крупными каплями.

О, дорогая, золотая молодость,—кто изъ самыхъ злополучныхъ не былъ хоть не надолго ею счастливъ и благодаря только ей, ея порывамъ и приподнятому настроенію не пережилъ хотя немногихъ чудесныхъ дней, которые вспоминалъ съ нѣжностью потомъ въ продолженіе всей остальной жизни, какъ единственно свѣтлыя свои мгновенія!

На колокольнѣ церкви ударилъ колоколъ, и его одинокій ударъ звучно разнесся по окрестности. Молодые люди вздрогнули, а потомъ опять оживленно заговорили, придвинувшись другъ къ другу и взявшись за руки.

Стемнѣло. Небо засвѣтилось звѣздами; окружающая дѣловая жизнь затихла, огоньки въ окнахъ отдаленныхъ жилищъ гасли, а молодые люди все еще сидѣли на прежнихъ мѣстахъ, и еще долго слышались ихъ задушевные голоса посреди ночной тишины.

II.

Послѣ отъѣзда сестры, Вѣра осталась одна, а между тѣмъ ее пугало одиночество. Она боялась сбиться съ дороги, впасть въ заблужденія и, не понявъ своихъ склонностей и размѣровъ своихъ силъ, просмотрѣть настоящее, ей соотвѣтствующее дѣло жизни. Зная, что только при помощи другихъ людей она можетъ разъяснить себѣ обступившіе ее трудные вопросы жизни, она стала часто посѣщать семью Станевскихъ, гдѣ она и прежде изрѣдка бывала вмѣстѣ съ сестрой.

Молодые Станевскіе—студентъ Александръ и сестра его Анна—были центромъ лучшей молодежи тогдашняго образованнаго общества. Они въ раннемъ дѣтствѣ лишились матери, а ихъ отецъ, врачъ-практикъ, не могъ, вслѣдствіе своего занятія, и не хотѣлъ по принципу очень строго слѣдить за жизнью своихъ дѣтей. Онъ видѣлъ, что бурные вопросы времени захватили ихъ,—слѣдовательно, ихъ уже нельзя было сберечь вдали отъ опасностей и тревогъ переходнаго времени, а потому рѣшился не мѣшать совершающемуся въ нихъ броженію, и, разсчитывая на ихъ здравый смыслъ и природную чуткость, предоставилъ имъ самимъ переживать всѣ страданія ихъ духовнаго развитія, не вмѣшиваясь въ ихъ порядокъ жизни, выборъ друзей и рѣдко появляясь въ ежедневныхъ собраніяхъ ихъ общества. Посѣтители Станевскихъ были молодые люди обоего пола, возбужденные новыми вѣяніями.

Въ ихъ средѣ почти не было юношей, безмятежно встрѣтившихъ радостное утро своей жизни; тамъ были большею частью несчастные, испытавшіе кораблекрушеніе, раннія дѣти слишкомъ молодыхъ и несложившихся семей, гдѣ молодые родители погибли при опасныхъ поискахъ новыхъ путей въ жизни, отдавъ на произволъ судьбы свое безпомощное потомство. Разстроенные юноши не путемъ постепеннаго развитія, а вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы, пріобрѣтали свое душевное настроеніе и направленіе. Раннія потрясенія, боль и тяжкія утраты безповоротно нарушили мирное теченіе ихъ развитія и преждевременно толкали ихъ на общественное дѣло. Прежде чѣмъ сложились ихъ собственныя склонности, и опредѣлился ихъ духовный образъ, они отъ скорби по своимъ погибшимъ хватались за ихъ порванное дѣло, которое мяло и давило молодые всходы ихъ собственной индивидуальности. Удрученные горемъ, эти юноши не могли подняться на высоту безстрастнаго созерцанія и изученія жизни и всецѣло отдаться мирной работѣ самоусовершенствованія и кропотливаго изученія науки. Они, уже потерпѣвшіе, не могли воздержаться отъ борьбы, хотя плохо разбирали, кто правъ, кто виноватъ. И эти борцы-отроки, лишенные безмятежныхъ радостей начала жизни, уже вынесшіе жестокіе удары и собиравшіеся отражать ихъ, вызывали глубочайшее состраданіе: въ своемъ смятеніи они не могли видѣть несправедливости своей работы, а также ея безплодности и безнадежности. Для ихъ спасенія отъ ошибокъ и бѣдъ имъ нужны были великодушные старшіе друзья, болѣе свѣдущіе и опытные, которые бы могли доброжелательнымъ словомъ остановить ихъ стремительное движеніе; но добрыхъ друзей не оказывалось, а жесткое противодѣйствіе не могло усмирить эти души, жаждавшія какого-то подвига.

Двѣ молодыя дѣвушки въ этомъ кружкѣ показались Вѣрѣ наиболѣе уравновѣшенными членами, и потому она обратила на нихъ свое особенное вниманіе. Это были Анна Николаевна Станевская и ея подруга, Наталья Алексѣевна Ливнина. Обладая изящной наружностью и большимъ умомъ, Анна Николаевна поражала Вѣру безпощадностью своей логики, требовательностью и строгостью своихъ сужденій, презрѣніемъ къ неустойчивости, нерѣшительности, даже мягкости слабыхъ людей. Она никогда не обнаруживала ни смущенія, ни сомнѣнія, ни колебанія; она всегда знала, какъ нужно поступить при всевозможныхъ обстоятельствахъ; у нея всегда находились готовые отвѣты на всевозможные вопросы; но, несмотря на свою проницательность и находчивость, она не вносила въ свою среду ни успокоенія, ни

отрады. Ея поступки, всегда очень умные, не были согрѣты чувствомъ; съ ней было поучительно бесѣдовать, вдаваясь въ отвлеченности, но было тяжело что-либо переживать вмѣстѣ.

Совсѣмъ инымъ человѣкомъ была Наталья Алексѣевна. Слѣдуя въ своихъ воззрѣніяхъ и поступкахъ тому же самому направленію, которое докторально провозглашала Анна Николаевна, она во все вносила сердечность, чего совершенно недоставало другой. Даже напускная суровость и рѣзкость ея сужденій, какъ нѣчто предвзятое, предумышленное, никого не смущали. Лицо ея не было красиво, но на немъ отпечатлѣлась ея высокая духовная красота. Ясные глаза, короткіе темные волосы, простое одѣяніе изъ матеріала, приспособленнаго ко всѣмъ временамъ года и къ различнымъ состояніямъ атмосферы—вотъ ея немудрая внѣшность. Вѣрѣ была безконечно мила и абсолютность ея сужденій—и внѣшняя неприбранность. Отсутствіе въ ней суетнаго желанія украшаться и нравиться, склонность находить оправданіе ошибкамъ другихъ и прощать сознанныя прегрѣшенія свидѣтельствовали о ея духовной зрѣлости. Все ея существо, сильное, свѣтлое и горячее, было какъ ясное утро знойнаго дня, предвѣщавшее грозу, которая освѣжитъ воздухъ, но, можетъ быть, наведетъ страхъ и оставитъ опустошенія,—теперь же оно было только свѣтъ и теплота.

Это молодое общество привлекало Вѣру своей чарующей искренностью. Но сознаніе ихъ общей неподготовленности и невооруженности для работы, неустойчивости мыслей и фантастичности замысловъ—воздерживало ее отъ дальнѣйшаго сближенія съ ними въ поступкахъ.

— Нѣтъ, теперь еще невозможно пускаться въ предпріятія,—говорила она, видя, какъ вокругъ нея безповоротно рѣшали свою участь другіе.—Нѣтъ, прежде нужно выучиться, хорошо понять, убѣдиться, а потомъ...

— Потомъ остыть, обнищать сердцемъ, привязаться къ пріобрѣтенному положенію пошлыми узами привычки и страсти къ удобствамъ,—говорила сіяющая самоотверженностью молодежь, которая рвалась впередъ, все отдавая и ничего лично для себя не ища и не сохраняя.

„О, сколько этихъ юношей, преисполненныхъ лучшихъ чувствъ и намѣреній, жизнь переломаетъ, изуродуетъ, сколько совсѣмъ сотретъ съ лица земли!—думала Вѣра, наблюдая съ тоской оживленіе молодежи.—Но какъ спасти, какимъ магическимъ словомъ можно остановить ихъ стихійное движеніе къ погибели, какъ

заставить ихъ воздержаться отъ поступковъ, пока они не изучили дѣла?"

— Нѣтъ, не думайте такъ,—говорила ей своимъ задушевнымъ голосомъ Наталья Алексѣевна.—Опасно воздерживаться отъ дѣятельной жизни подъ благовиднымъ предлогомъ предварительнаго пріобрѣтенія знаній. Пріобрѣтеніе знаній — занятіе, которому нѣтъ конца, а между тѣмъ во время этой нескончаемой работы каждый можетъ, даже долженъ приспособиться къ существующимъ условіямъ жизни, пустить корни въ свою дурную почву, потомъ привязаться къ своему положенію, дорожить имъ, охранять его. Долгое безучастное отношеніе къ дурнымъ условіямъ жизни, съ которыми самый процессъ существованія связывается безчисленными тонкими нитями, дѣлаетъ каждаго несвободнымъ, пристрастнымъ, навязываетъ какой-то консерватизмъ. Кто можетъ утверждать, что не нужно изучать дѣло, за которое берешься; но одно страшно, въ этой погонѣ за нѣсколькими крупицами знанія, это—пріурочить себя къ пошлой практичности, привязаться къ ничтожному дѣлу, мелкимъ людямъ,—а все это возможно, потому что человѣческая душа жива и подвижна.

Вѣра почти всѣ вечера проводила въ кружкѣ Станевскихъ, участвовала въ ихъ разговорахъ, чтеніяхъ и спорахъ по поводу прочитаннаго, провѣряла тамъ каждую свою мысль, а потомъ съ возбужденными нервами возвращалась въ тихій родительскій домъ. Тамъ, въ тишинѣ и простотѣ жизни, не участвуя въ круговоротѣ общественныхъ вопросовъ и дѣлъ, ее любовно ждали ея старики. Доживая жизнь въ кругу семейныхъ интересовъ, одушевляясь однѣми привязанностями къ близкимъ, они, по своему образованію, положенію и возрасту, не могли выходить изъ узкихъ рамокъ личной жизни. Вѣра это знала, и не желала безпокоить ихъ падающія силы тревогами своего духовнаго развитія. Въ ея растревоженномъ сердцѣ уцѣлѣла ничѣмъ непомраченная глубокая и благодарная любовь къ нимъ, запечатлѣвшимъ въ ней съ дѣтства твердыя правила добропорядочности примѣромъ своей простой задушевной жизни. Изъ боязни огорчить ихъ, она еще ничего не говорила имъ о своихъ робкихъ планахъ жизни и о своемъ желаніи ѣхать за-границу для осуществленія этихъ плановъ. Она и не подозрѣвала, что ея родители уже давно слѣдили за ней своими внимательными, любящими, а слѣдовательно всевидящими глазами и вполнѣ узнали и поняли ея положеніе. Сначала это открытіе сильно огорчило ихъ, вслѣдствіе ихъ же пристрастія къ иному, старинному укладу жизни и недовѣрія къ

новымъ теченіямъ; но мало-по-малу любовь къ дочери побѣдила въ нихъ всѣ личныя пристрастія.

— Поѣзжай,—сказалъ ей разъ въ сильномъ волненіи отецъ, когда Вѣра, по возвращеніи отъ Станевскихъ, зашла, по обыкновенію, обнять его,—поѣзжай, куда тебя влечетъ. Я вѣрю тебѣ, я уважаю тебя, я люблю тебя, а потому хочу твоего счастія и буду способствовать всѣми доступными мнѣ средствами исполненію твоихъ плановъ... Я не сочувствую твоему пути, но я знаю, что ты не пойдешь по дурной дорогѣ, а потому благословляю тебя на всѣ твои начинанія. Но если ты не найдешь тамъ того, чего ищешь,—возвращайся назадъ, не двигайся впередъ безъ настоящей дороги изъ пустого самолюбія, изъ мелочного нежеланія сознаться въ ошибкѣ. Для всякаго дѣла необходима правдивость и искренность, а потому, сбившись съ дороги, немедленно возвращайся обратно, а не бросайся въ темноту изъ суетныхъ соображеній тщеславія...

Было что-то безконечно-трогательное въ этихъ усиліяхъ утомленной, старѣющей души вникнуть въ стремленія и упованія юности и предостеречь и сберечь ихъ отъ всѣхъ бѣдъ. Въ порывѣ глубочайшей благодарности, Вѣра обняла отца и долго смотрѣла на него безъ словъ своими правдивыми глазами. И все сказалъ, все, чего отъ нея хотѣлъ отецъ, обѣщалъ ему ея долгій любящій взглядъ.

III.

Черезъ два мѣсяца, Вѣра пріѣхала въ Парижъ, не предувѣдомивъ сестру о днѣ своего пріѣзда. Поѣздъ пришелъ вечеромъ. Вѣра торопливо разыскала квартиру сестры и застала Елену одну дома за книгами. Съ перваго же взгляда на сестру Вѣра замѣтила большую перемѣну въ наружности Елены. Она сильно похудѣла и поблѣднѣла. На миловидномъ лицѣ ея исчезло прежнее жизнерадостное сіяніе, и появились слѣды пережитыхъ огорченій.

— Ты сильно измѣнилась! — сказала съ тревогой Вѣра.— Не больна ли ты?

— Послѣ, обо всемъ разскажу послѣ,—отвѣчала съ дрожью въ голосѣ Елена, и что-то страдальческое мелькнуло въ ея затуманенномъ взглядѣ.

Она съ заботливой нѣжностью разспрашивала сестру объ отцѣ и матери и о всемъ, что ей было дорого на родинѣ.

Сообщивъ всѣ требуемыя свѣдѣнія, Вѣра сама принялась

разспрашивать сестру. — А вы какъ здѣсь живете? Хорошо ли вы устроились? Счастливы ли вы?

При этихъ вопросахъ Елена испуганно взглянула на сестру. Губы ея беззвучно шевелились.

— Я сама вижу,—тебѣ жилось нехорошо!—сказала Вѣра, горячо обнимая сестру.—Разскажи же мнѣ все, все. Я непремѣнно хочу знать и раздѣлить твое горе.

Елена долго не могла справиться съ охватившимъ ее волненіемъ. — Да, сестра, — выговорила она, наконецъ, съ большимъ усиліемъ: — я несчастлива, но не по чьей-либо винѣ, а, очевидно, вслѣдствіе своей собственной слабости и неустойчивости. Слушай, — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: — я разскажу тебѣ, въ чемъ дѣло, не останавливаясь на подробностяхъ, безсвязно, — какъ только могу при моемъ настоящемъ волненіи.

— ...Первое время,—начала Елена,—мы были очень счастливы. Я безгранично *его* любила, безгранично *ему* вѣрила, и *онъ* относился ко мнѣ съ необыкновенною нѣжностью. Тогда я не могла себѣ представить, что между такъ сильно любящими другъ друга людьми можетъ когда-либо возникнуть нѣчто страшное, какая-то зловѣщая путаница, которая разъединитъ, все испортитъ и даже совсѣмъ разобьетъ жизнь. Я и теперь не могу понять, какъ образовалось между нами *это страшное*, потому что я сознала его тогда, когда оно достигло ужасающихъ размѣровъ...

— Сначала мы,—продолжала она, — жили только вдвоемъ: вмѣстѣ читали, вмѣстѣ гуляли, вмѣстѣ слушали музыку, вообще вмѣстѣ наслаждались природой и прекрасными созданіями человѣческаго духа. Викторъ былъ противъ того, чтобы я сразу принялась за какое-нибудь опредѣленное занятіе. „Ты еще не жила,— говорилъ онъ,—ты еще ничего не видѣла. Теперь ты свободна: живи, смотри на міръ и дай выясниться твоимъ склонностямъ и способностямъ“. Такъ прошло нѣсколько счастливыхъ, незабвенныхъ мѣсяцевъ... Я не могу разсказывать далѣе, не остановясь съ любовью на этомъ безвозвратно прошедшемъ времени, не подтвердивъ тебѣ, какъ много душевныхъ силъ и радостей дала мнѣ эта потерянная дружба! Это очень скоро кончилось. Наше одиночество было нарушено: къ намъ стали появляться посторонніе люди, товарищи Виктора по занятіямъ, съ ихъ женами и сестрами; мало-по-малу вокругъ насъ образовалась толпа индифферентныхъ лицъ, которая своимъ вторженіемъ въ нашу жизнь разорила сладость нашей изолированности. Викторъ сталъ сильно поддерживать новыя знакомства: онъ постоянно уходилъ изъ

дома и дѣлилъ свои досуги съ совершенно чужими людьми, изъ боязни обидѣть невниманіемъ то одного, то другого, то третьяго, а остальное время посвящалъ научнымъ занятіямъ. Для нашихъ дружескихъ бесѣдъ, для нашего счастія, какъ для чего-то незначительнаго, не оказывалось болѣе времени; оно уходило на научную работу, которою было необходимо заниматься, и на добрыхъ друзей, которыхъ было нельзя покидать. Блаженство нашей душевной близости было принесено въ жертву суетѣ и пустотѣ этихъ потребностей. Между нами начали постоянно толпиться люди, которые совѣтовали, устроивали нашу жизнь, объясняли насъ другъ другу, оправдывали и обвиняли насъ другъ передъ другомъ, врываясь при этомъ въ нашъ внутренній міръ, изъ котораго такимъ образомъ устроился не нашъ алтарь, а вѣчно для всѣхъ открытый постоялый дворъ, куда лѣзла вся праздная улица, не по сердечному влеченію къ намъ, а отъ скуки и праздности. Мы стали резонерствовать, критиковать другъ друга, объясняться и оправдываться, и роковымъ образомъ перестали любовно относиться другъ къ другу. Вся душа нашихъ отношеній отлетѣла: остался холодъ, обиженность, соперничество, подъ вліяніемъ которыхъ мы часто язвили другъ друга въ общихъ разговорахъ и взаимно раздражались...

Елена остановилась. Крупныя слезы текли по ея щекамъ, губы ея дрожали.

— О, не думай, какъ они, — начала она снова, нѣсколько оправившись, — что я безумна и несправедлива, потому что ревную *его* и къ друзьямъ, и къ занятіямъ, требуя, чтобъ онъ жилъ только мною. Развѣ, любя *его*, я могу не желать его образованности, его знанія людей и жизни, его успѣховъ въ дѣлахъ? Развѣ его дѣльная работа, его частныя отношенія къ другимъ людямъ не составляютъ гордость и радость моей души? Но мнѣ, — о, конечно, только мнѣ должна принадлежать его исключительная любовь къ женѣ! Его потребность въ другихъ безчисленныхъ друзьяхъ и связяхъ есть для меня неоспоримое доказательство его душевной неудовлетворенности, къ которой я не могу относиться равнодушно. Я хочу, чтобы мнѣ принадлежало его сердце, чтобы это сердце не дѣлилось на мелкія части, изъ которыхъ бы и мнѣ доставалась извѣстная дробь. Любовь къ женѣ недѣлима: ею нельзя надѣлять частями...

— Наша жизнь, — продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія, — теперь окончательно обезобразилась. Онъ ежедневно куда-то уходитъ, получаетъ какія-то письма, кому-то пишетъ самъ. Кому? Зачѣмъ? Я не изъ любопытства задаю себѣ эти

вопросы, а изъ потребности дѣлить съ нимъ жизнь. Я часто спрашиваю его по этому поводу; но онъ отвѣчаетъ уклончиво: въ немъ нѣтъ болѣе потребности слиться со мной сердцемъ и жить за-одно. Взглядъ его мнѣ часто кажется разсѣяннымъ, когда мы молча сидимъ вдвоемъ, обнявшись по установившейся привычкѣ. Тогда мною овладѣваетъ страхъ: я начинаю думать, что его душа витаетъ совсѣмъ не въ томъ мірѣ, гдѣ моя; что онъ отъ меня далеко и уходитъ все дальше и дальше, не взявъ меня съ собою и не ища меня тамъ, гдѣ живетъ самъ. Я часто мучаюсь и плачу отъ этихъ мыслей.—Что съ тобой?—спрашиваетъ онъ, заставъ меня въ такихъ припадкахъ отчаянія.—Мнѣ кажется, что ты меня не любишь!—отвѣчаю я, умирая отъ желанія все выяснить и наладить, какъ было прежде. Онъ обыкновенно улыбается мнѣ въ отвѣтъ, цѣлуетъ мои руки,—не освобождаетъ, а отвлекаетъ меня отъ моихъ тревогъ обаяніемъ своей ласки.

Возможно, что наше несчастіе происходитъ отъ моей чрезмѣрной требовательности такого совершеннаго личнаго счастія, которое недостижимо въ жизни. Знаю, что даже въ такомъ тѣсномъ союзѣ для взаимнаго благополучія необходимы большія уступки, большая снисходительность, постоянное приспособленіе себя къ другой индивидуальности... О, сколько разъ я старалась подавить тяжкое недовольство моего сердца, старалась держаться за многія крупныя достоинства моего мужа, не ища въ немъ ничего болѣе, предоставляя ему любить меня, какъ онъ можетъ, и жить, какъ хочетъ! Но при всѣхъ моихъ добрыхъ намѣреніяхъ я не могла утвердить на нихъ мое душевное равновѣсіе. Мое вымученное самопожертвованіе разрушалось при малѣйшемъ столкновеніи съ дѣйствительностью, и я снова всѣми силами души желала полнаго счастія; меня снова терзало недовольство существующимъ, недовѣріе къ нему, однимъ словомъ, я опять впадала во всѣ преступленія, неизвѣстныя только тѣмъ людямъ, которые не жили личною жизнью, или покончили съ нею. О, какъ тяжело быть вѣчно недовольной, всему ждать плохого конца! Я совершенно измучилась отъ безвѣрія и безнадежности.

— Развѣ можно погибать отъ однихъ недоразумѣній! — вскричала Вѣра!—Мы теперь всѣ вмѣстѣ, мы непремѣнно все разъяснимъ, все уладимъ и будемъ жить, какъ прежде,—нѣтъ, лучше прежняго, потому что тогда мы только мечтали о жизни, а теперь мы можемъ дѣйствовать!

Онѣ крѣпко обнялись и тихо плакали вмѣстѣ, прижавшись другъ къ другу.

У нихъ обѣихъ не оказалось ни малѣйшей подготовки къ тому, что обманъ, измѣна и тому подобное зло, могутъ проникнуть въ ихъ личную жизнь и помрачить ихъ лучшія отношенія. Это открытіе было такъ неожиданно и ужасно, что онѣ не находили силъ переносить его.

Дверь тихо отворилась, и въ комнату вошелъ Викторъ. Онѣ не замѣтили его присутствія и продолжали плакать, прижавшись другъ къ другу.

Викторъ тихо подошелъ къ нимъ и также тихо положилъ свои руки имъ на плечи.

Онѣ вскрикнули отъ испуга и потерянно смотрѣли на него своими плачущими глазами.

Имъ было такъ неловко, такъ тяжело оставаться вмѣстѣ, что они рады были разойтись по своимъ комнатамъ, подъ предлогомъ, что уже поздно засидѣлись.

„Такъ вотъ она — любовь, свобода и личное счастіе!“ — думала Вѣра, оставшись одна въ своей комнатѣ. Она была измучена новыми ядовитыми впечатлѣніями, не могла спать, и съ ощущеніемъ ужаса смотрѣла въ темноту. Разсказъ сестры открылъ ей совершенно неизвѣстную сторону жизни, ввелъ ее въ новый міръ мрачныхъ, запутанныхъ, губительныхъ отношеній, которыя она считала невозможными между хорошими людьми. „О, что̀ если все впереди, что̀ я такъ радостно ждала и такъ свѣтло себѣ представляла, что если все, все окажется не тѣмъ въ дѣйствительности?! — думала она, содрагаясь отъ ужаса. — Гдѣ же найти въ тебѣ, великій городъ, добрыя вліянія, которыя подняли бы силы, указали бы путь къ настоящей жизни, освѣтили бы тьму, однимъ словомъ, спасли бы отъ блужданія, безумія и отчаянія? Гдѣ мнѣ искать животворный источникъ жизни, чтобы припасть къ нему всѣмъ моимъ несвѣдущимъ, разстроеннымъ существомъ?“ —прошептала она, вскочивъ съ постели, подбѣгая къ окну и съ полу-страхомъ и полу-надеждой всматриваясь своими испуганными, полными слезъ глазами въ затихавшую улицу.

На противоположной сторонѣ улицы былъ ресторанъ. За столомъ, близъ оконъ, расположилось нѣсколько паръ. На самой авансценѣ сидѣла усталая, измятая женщина; усталый и измятый мужчина опирался на ея плечо, обезпечивая этимъ устойчивость своего положенія на стулѣ. — Пей! — сказалъ онъ своей дамѣ, подавая ей стаканъ съ виномъ, обливая ее виномъ и задѣвая ея лицо при этомъ движеніи. Она машинально взяла вино, машинально выпила, не оживляясь отъ своей скучающей усталости. Ни нѣжности, ни порядочности, ни даже веселья...

„Неужели же,—думала Вѣра,—все въ человѣческой жизни такъ мелко и грубо, какъ то, о чемъ разсказывала сестра, какъ это, что̀ я вижу теперь передъ глазами? Неужели все привлекательно только издали, все *кажется* привлекательнымъ только издали—и только при опьяненіи юношеской любовью къ жизни, а вблизи поражаетъ грубостью формъ, пошлостью содержанія?...

IV.

Жизнь въ Парижѣ произвела на Вѣру удручающее впечатлѣніе. По юношеской наивности, она ожидала встрѣтить совсѣмъ другой характеръ всѣхъ человѣческихъ отношеній въ странѣ, гдѣ пережиты многочисленныя преобразованія всего жизненнаго строя въ интересахъ общаго блага. Обманъ, насилія и угнетенія—всѣ эти явленія печали и погибели особенно поражали тамъ, гдѣ много придумано и сдѣлано въ поискахъ улучшенія.

Вѣра съ большимъ интересомъ слѣдила за мѣстными газетами, читала книги, рисовавшія мѣстныя стремленія и дѣла. Кромѣ того, она часто бродила по шумнымъ улицамъ, прислушиваясь къ грохоту жизни міровой столицы. Всматриваясь въ лица разряженныхъ, выдрессированныхъ женщинъ съ ихъ дѣланными улыбками; въ картинныя движенія великолѣпныхъ, будто лакомъ покрытыхъ мужчинъ, она опредѣленно чувствовала, что не эти люди внесутъ въ міръ радость и обновленіе. Она уныло провожала глазами пестрыя волны человѣческихъ фигуръ, отливавшихъ и вновь приливавшихъ на бульварахъ, и чувствовала, что эти толпы несутъ въ себѣ не душу, открытую настежь для высокихъ замысловъ, а все ту же вездѣсущую смуту взаимной вражды и междоусобной войны.

Домашняя жизнь тоже причиняла Вѣрѣ одно огорченіе. Викторъ былъ по внѣшности очень внимателенъ къ Еленѣ, она—очень ласкова съ нимъ—и только. Кромѣ мягкихъ формъ сожитія, между ними не проявлялось ничего общаго, задушевнаго. Каждый изъ нихъ жилъ въ своемъ особомъ, на-глухо закрытомъ для другого, внутреннемъ мірѣ, и мягкія формы совмѣстной жизни были одна лживая, холоднымъ разсчетомъ изобрѣтенная покрышка внутренней пустоты и нищеты отношеній. По утрамъ Викторъ никогда не бывалъ дома: онъ занимался въ университетѣ, въ кабинетахъ и лабораторіяхъ, а по вечерамъ работалъ дома надъ книгами. Только пріемы гостей или собственныя посѣщенія знакомыхъ заставляли его покидать занятія.

Какъ же могъ выродиться этотъ страстно-желанный и съ восторгомъ заключенный союзъ любви въ черствое сожительство, юношеское рвеніе къ самопожертвованію въ пользу спокойствія и счастія друга — въ отчужденіе и невниманіе къ состоянію и самочувствію друга? Вѣра рѣшилась вникнуть во всѣ подробности жизни сестры и Виктора, найти, вслѣдствіе какихъ дурныхъ вліяній они сбились съ пути доброй жизни, и, если возможно, помочь имъ освободиться отъ зла, въ которое они попали. Подъ вліяніемъ этого желанія она присоединилась въ тотъ же вечеръ къ обществу ихъ гостей, отъ чего прежде постоянно уклонялась.

Въ этотъ вечеръ общество состояло изъ ученаго химика, Владиміра Алексѣевича Шилова, и его жены, Марьи Ивановны, доктора Стручкова и его сестры. Владиміръ Алексѣевичъ былъ тихій, ничѣмъ не выдающійся и совершенно заучившійся человѣкъ. Съ большимъ трудомъ начинивъ себя научными теоріями, формулами и цифрами, которыя не сложились въ его головѣ въ какое-нибудь ясное міровоззрѣніе, онъ видѣлъ смутно настоящую жизнь сквозь книжный туманъ, и, притупивъ тяжелымъ усвоеніемъ книжной мудрости свою впечатлительность къ живымъ явленіямъ жизни, плохо понималъ дѣйствительность и слабо интересовался ею. Жена его—красивая, ничѣмъ не занятая, скучающая женщина. Сестра и братъ Стручковы были два холодные резонера, два живые выразителя того, что, по ихъ понятіямъ, слѣдуетъ думать и дѣлать. Когда Вѣра вошла въ гостиную, все общество оживленно высказывалось по поводу домашнихъ неурядицъ въ какой-то русской молодой семьѣ. Эти слѣдователи-добровольцы охотно спускались для своего изслѣдованія въ предполагаемую глубину сердца людей, судьбой которыхъ они занимались въ качествѣ участливыхъ сердцевѣдовъ. Они съ полною увѣренностью говорили о чувствахъ и потребностяхъ почти неизвѣстныхъ имъ людей, какъ будто тѣ стояли передъ ними съ совершенно раскрытымъ и обнаженнымъ внутреннимъ содержаніемъ, и такъ же свободно рылись въ ихъ душѣ, какъ въ открытомъ ящикѣ, судили, рядили, беззастѣнчиво трепали имя, честь и достоинство людей, и при этомъ всѣ были такъ веселы, что ихъ шумное обсужденіе, какъ бы празднованіе совершившагося чужого горя—трудно было признать за одно безкорыстное развлеченіе. Послѣ милостиваго суда, когда ими была окончательно перетрепана и вывернута наизнанку предполагаемая внутренняя жизнь неизвѣстныхъ имъ людей и достаточно опозорена,—разговоръ отъ частностей перешелъ на обобщенія.

— Причина семейныхъ несчастій,—говорилъ съ особеннымъ оживленіемъ Викторъ,—лежитъ въ природной измѣняемости человѣческихъ чувствъ. Конечно, можно всегда уважать, но нельзя быть вѣчно влюбленнымъ въ одного и того же человѣка. Любовь, продѣлавъ всѣ періоды своего развитія, непремѣнно заканчивается естественной смертью, а осиротѣвшее сердце остается живо: въ немъ, при нормальныхъ условіяхъ, вѣчный жаръ, вѣчное движеніе, а потому послѣ конца одного чувства оно непремѣнно воспламеняется другимъ. „Le roi est mort, vive le roi"! Жить — значитъ чувствовать обаяніе прекраснаго, поклоняться ему, наслаждаться имъ...

— Кромѣ того,—замѣтила Марья Ивановна,—сердце можетъ быть неудовлетворено своею первою любовью, вслѣдствіе чего эта любовь можетъ закончиться скоропостижно, а послѣдующія привязанности могутъ быть прочнѣе.—Она сопровождала свои слова многозначительнымъ взглядомъ на Виктора.

— Конечно, если у супруговъ исчезла любовь, то такой бракъ необходимо немедленно расторгнуть,—заговорили разомъ ни передъ чѣмъ не останавливающіеся резонеры Стручковы.

Эта сцена, грубо задѣвающая самыя неприкосновенныя стороны души, встревожила Вѣру. Желая замять бездушный разговоръ, она довольно неловко вмѣшалась въ него.

— Люди такъ разнообразны по своей природѣ и характеру своихъ потребностей,—сказала она,—что нельзя выводить общихъ законовъ для ихъ сердечной жизни. Бываютъ пары, которыхъ связываетъ обоюдность радостей легкой и веселой совмѣстной жизни. Подобныя потребности другъ въ другѣ, конечно, очень быстро насыщаются. Но вѣдь встрѣчаются, хотя и рѣже, люди, связанные душевнымъ родствомъ, желающіе переживать непремѣнно вмѣстѣ всѣ горести, радости и труды жизни. Все пережитое такими людьми вмѣстѣ—закрѣпляетъ ихъ союзъ и сливаетъ въ одно ихъ души. Радость отъ участія другой родной души въ перипетіяхъ жизни не ослабѣваетъ, а усиливается отъ возростающаго сближенія. Въ интересахъ общаго благополучія желательно, чтобы люди совершенно различнаго душевнаго типа не завязывали брачныхъ союзовъ вслѣдствіе какихъ-нибудь роковыхъ ошибокъ, потому что разрушать связи, даже такія противоестественныя, тяжело и опасно...

Разговоръ оборвался поданнымъ чаемъ. Всѣ встали съ прежнихъ мѣстъ и стали размѣщаться за общимъ столомъ. Вѣра потупилась и долго стояла въ сторонѣ. Когда, нѣсколько оправившись, она подняла голову, то встрѣтила нѣжный и благо-

дарный взглядъ сестры. Вокругъ нихъ весело разговаривали, смѣялись, Викторъ что-то оживленно говорилъ Марьѣ Ивановнѣ; резонеры все еще излагали свои взгляды относительно честности и законности разрушенія отжившихъ и заключенія новыхъ связей, а сестры все тѣмъ же долгимъ взглядомъ смотрѣли другъ на друга, и Вѣрѣ часто потомъ, при различныхъ тяжелыхъ событіяхъ жизни, припоминался этотъ долгій, многозначительный взглядъ. Она уныло посмотрѣла на всѣхъ гостей, какъ ей казалось, неестественно кривлявшихся другъ передъ другомъ. Всѣ они вводили другъ друга въ заблужденіе своими не испытываемыми, а сочиненными чувствами: безпричинно разносили однихъ людей,—не сердечно, и принципіально превозносили другихъ, а при этомъ всѣ хотѣли каждому нравиться и надъ всѣми преобладать. Адская смѣсь легкомыслія, жесткости и пустоты сквозила во всѣхъ ихъ отношеніяхъ; суетная толкотня и праздный разговоръ на высокія темы при холодѣ и черствости сердца—выполняли ихъ досуги, и все это совершалось въ томъ періодѣ ихъ жизни, когда ими былъ достигнутъ полный расцвѣтъ понятій и дарованій,—слѣдовательно, отъ нихъ можно было ожидать иного отношенія къ міру и своимъ ближнимъ.

V.

Марья Ивановна стала очень часто бывать у Лѣниныхъ. Она устроивала съ ними общія чтенія и прогулки, играла съ Викторомъ въ четыре руки на піанино, но чаще всего уходила съ нимъ осматривать музеи и картинныя галереи, отъ чего совершенно уклонилась Елена. Елена съ горечью наблюдала это сближеніе. „Что это—любовь?—спрашивала она себя.—А если любовь, то—односторонняя или взаимная?“ Она не ожидала, что ей когда-либо придется одной рѣшать подобные вопросы, слѣдить, догадываться. Прежде ей иногда приходило въ голову, что она можетъ потерять любовь мужа, но она никогда себѣ не представляла, что можетъ лишиться его дружбы.

Однажды она осталась одна въ домѣ: Вѣра была въ библіотекѣ; Викторъ ушелъ съ Марьей Ивановной осматривать какія-то рѣдкости. Былъ сѣрый, дождливый вечеръ. Елена сидѣла въ углу комнаты и томилась отъ однѣхъ и тѣхъ же мыслей. „Что если это только одна моя мнительность и подозрительность,—думала она,—портитъ нашу жизнь?“ И она мучилась, упрекала себя. Она вспоминала всю свою жизнь съ мужемъ, со всѣми ея мель-

чайшими подробностями, желая доискаться правды. Она терзалась при воспоминаніи каждой тяжелой сцены, каждаго рѣзкаго, слѣдовательно недобраго слова, ею сказаннаго. Она мучила себя за неумѣнье любить, за грубость и злобу своихъ душевныхъ движеній. Дверь отворилась и вошелъ Викторъ. Она не замѣтила возбужденнаго вида его лица, не спросила, гдѣ его спутница,—она бросилась ему на встрѣчу и съ плачемъ повисла на его шеѣ.

— Люби меня, люби меня! — прошептала она въ порывѣ невыразимой тоски. — О, я умираю отъ желанія быть тобою любимой!

Лицо Виктора мгновенно измѣнилось; возбужденный блескъ его глазъ погасъ; онъ осунулся, какъ бы похудѣлъ мгновенно.

— Я люблю тебя отъ всей души! — отвѣчалъ онъ ей какимъ-то страннымъ, звенящимъ, будто не своимъ голосомъ.— Чего тебѣ недостаетъ? отчего ты всегда печальна, Елена?

Чего ей недостаетъ? Какъ отвѣтить на это коротко и ясно? Какъ мгновенно разъяснить, если онъ этого не сознаетъ, что ихъ жизнь выродилась въ дурное, почти непереносимое существованіе? Елена подняла голову и взглянула прямо въ глаза своему мужу. Онъ смотрѣлъ на нее не какъ прежде, ласковымъ, въ душу проникающимъ взглядомъ, а смотрѣлъ какъ бы черезъ нее въ неопредѣленную даль, и этотъ скользящій и убѣгающій взглядъ поразилъ ее; еще болѣе ее сразила его холодная рѣчь, вымученная, очевидно, съ разсчетомъ ее успокоить и уйти отъ ея молящаго взгляда закрытымъ на-глухо, тогда, какъ она, просвѣтленная своимъ чувствомъ къ нему, съ необыкновенною ясностью слышала всякій невѣрный звукъ его голоса.

„Нѣтъ, уже поздно! — рѣшила она съ отчаяніемъ, всматриваясь въ его усталое лицо, вслушиваясь въ его звенящій голосъ.— Нужно было въ свое время знать, возможно ли между нами счастіе, хранить его, не допускать отчужденія. Теперь онъ уже такъ сильно отдалился, что не видитъ и не понимаетъ меня. Говорить теперь, когда онъ уже такъ далеко, о своихъ душевныхъ потребностяхъ,—значитъ, напрасно мучить обоихъ. Уже поздно!“ Она положила свою голову на его плечо и беззвучно плакала.

— Мнѣ ничего не нужно! — выговорила она, наконецъ, въ то время, какъ ея крупныя слезы падали ему на грудь горячими каплями, а въ душѣ ея умирала послѣдняя надежда на счастіе. Онъ понялъ, что она отвѣтила ему на томъ же самомъ языкѣ, на которомъ онъ ее спрашивалъ; онъ понялъ, что ея изнывшая,

трепетавшая ему на встрѣчу душа теперь закрылась передъ нимъ, и онъ былъ доволенъ этимъ.

Съ этого дня Елена и Викторъ еще болѣе отдалились другъ отъ друга. Между ними не повторялись болѣе тяжелыя сцены взаимнаго неудовольствія, но установилась скорбная жизнь механической близости при полномъ внутреннемъ разладѣ, разномысліи и возмущеніи.

Смотря на улыбающееся, ничѣмъ не омраченное лицо Марьи Ивановны, Елена чувствовала, что она *его* не любила. Такъ безмятежно не любятъ человѣка несвободнаго, котораго нужно отнимать. Пустота жизни, жажда удовольствій толкала ее на заманчивую игру въ чувства съ красивымъ молодымъ человѣкомъ, и Елена ясно видѣла, что хотя нервы Марьи Ивановны были возбуждены этой игрой, но сердце ея оставалось при этомъ совершенно холоднымъ.

А *онъ*? Любилъ ли *онъ* ее? Неужели эта смазливая, пустая женщина отвѣчаетъ *его* душевнымъ потребностямъ, обѣщаетъ *ему* ненайденное счастіе? О, еслибъ она была, по крайней мѣрѣ, особенно близка *ему* по своей духовной природѣ, тогда, естественно ея появленіе должно было бы неотразимо привлекать его, разрушая все, что̀ было связано съ *его* сердцемъ раньше, что̀ было слабѣе и холоднѣе. Но вѣдь женщина, къ которой *онъ* стремится, — „безъ вѣры и закона“, одна молодая плоть и кровь.

„Какое же чувство,—безпрестанно спрашивала себя Елена,—связало насъ вмѣстѣ, когда все наше общее потеряло для *него* значеніе отъ близости другой женщины?—однихъ тѣлесныхъ преимуществъ ея было достаточно, чтобы уничтожить всю цѣну интимности нѣсколькихъ лѣтъ“.

Безпрерывно мучая себя этими вопросами и не находя въ себѣ силъ отбиться отъ постояннаго ихъ разбора, Елена почувствовала, наконецъ, непреодолимое отвращеніе къ своей жизни. „Нѣтъ,—рѣшила она, наконецъ, обрывая неизмѣнную нить своихъ мыслей,—я не хочу, не должна болѣе думать—долго ли, вѣчно ли увлеченіе моего мужа этой женщиной,—любитъ ли онъ ее и что̀ изъ всего этого выйдетъ... Для меня важно только знать, что отъ меня мой мужъ закрылся на̀-глухо, что онъ ищетъ другихъ привязанностей... Для меня должны быть безразличны его удачи и неудачи въ этихъ стремленіяхъ, *мое* положеніе не должно быть отъ нихъ въ зависимости, *моя* роль въ его сердечной исторіи, во всякомъ случаѣ, кончена“.

Вѣра не могла болѣе безучастно наблюдать, какъ томилась сестра; ей страстно хотѣлось выяснить и улучшить ея поло-

женіе, и потому она рѣшилась переговорить объ этомъ съ Викторомъ.

Когда Вѣра пришла къ нему въ кабинетъ, Викторъ сидѣлъ за столомъ, заваленнымъ книгами, и такъ былъ углубленъ въ чтеніе, что не замѣтилъ прихода Вѣры.

— Викторъ, вы несчастливы съ сестрою,—заговорила она въ сильномъ волненіи.—Нужно не закрывать глазъ на это горе, а разобраться въ немъ и, если возможно, защититься отъ него.

Яркая краска покрыла лицо Виктора. Онъ нахмурился.

— Я не знаю, о какомъ несчастіи вы говорите,—наконецъ, выговорилъ онъ холодно.—Между нами не произошло ничего, что давало бы основаніе...

— Между вами, дѣйствительно, ничего не высказано и не выяснено,—перебила его Вѣра.—Между вами пропала не только любовь, но даже дружба, даже простое доброжелательство, которое тоже невозможно безъ откровенности! Еще такъ недавно мы обѣщали другъ другу непремѣнно оберегать одинъ другого не только отъ несчастій, но даже отъ собственныхъ ошибокъ,—а теперь, безъ всякихъ видимыхъ поводовъ, мы потеряли взаимное вниманіе и участіе и очутились во враждебно-оборонительномъ положеніи другъ къ другу. Викторъ, спасемся нашими общими усиліями отъ нашего общаго большого горя, объяснимся, выясним все... Я не поступковъ или чувствъ какихъ-либо отъ васъ требую,—я прошу отъ васъ только одной искренности.

Викторъ еще болѣе нахмурился.

— Искренности?—сказалъ онъ.—Какой искренности вы отъ меня хотите обѣ? Вы обѣ, повидимому, желаете, чтобы я перетряхалъ передъ моей женой весь соръ уличной жизни, всѣ дрязги моихъ дѣлъ, всѣ мелкія подробности моихъ удачъ и неудачъ, всѣ пустяки моихъ столкновеній съ другими людьми! Зачѣмъ это? Кому это нужно? Зачѣмъ я долженъ переживать въ моей семьѣ всю горечь моихъ неудовольствій, всю непріятность моихъ неудачъ? Я отдыха и успокоенія ищу у себя дома, я хочу забыться отъ всѣхъ огорченій въ средѣ, гдѣ меня любятъ безъ документальныхъ доказательствъ моей порядочности, гдѣ мнѣ вѣрятъ безъ протокольной записи моихъ дѣлъ.

— У людей, соединившихся на всю жизнь, должно быть не обязательство, а потребность переживать непремѣнно вмѣстѣ все хорошее и дурное въ жизни, и отсутствіе такой потребности доказываетъ наличность тяжелаго отчужденія.

— И при томъ,—продолжалъ, не отвѣчая, Викторъ,—Елена никогда не любила меня, какъ я есть, а любила и любитъ

только свой идеалъ, который хочетъ олицетворить во мнѣ. Она постоянно ищетъ во мнѣ несуществующихъ у меня качествъ, требуетъ отъ меня высшихъ добродѣтелей и приходитъ въ ужасъ, когда всего этого не находитъ. Кромѣ того, она ждетъ ежеминутнаго совпаденія всѣхъ нашихъ желаній и настроеній,—что̀ невозможно, потому что въ самомъ тѣсномъ союзѣ люди сохраняютъ свою индивидуальность, насилія надъ которой и мучительны, и безплодны. Представьте же себѣ теперь, какая мучительная встряска получается при этихъ условіяхъ отъ переживанія вмѣстѣ всей жизни!

„Нѣтъ, онъ уже не прежній ласковый юноша, способный на великодушные порывы!—подумала Вѣра, видя раздраженное лицо Виктора.—Культурныя усовершенствованія только вывѣтрили и очерствили его. Его прежнія слова о драгоцѣнности дружбы и сотрудничества въ жизни—говорены тогда, очевидно, съ чужого голоса, а нынѣ забыты передъ повелительнымъ голосомъ собственныхъ внутренностей!“—и молящее выраженіе въ глазахъ Вѣры померкло, она потупилась и выговорила съ большимъ усиліемъ:

— Я не могу говорить о причинахъ вашего несчастія и способахъ освободиться отъ него. Это дѣло—васъ двоихъ, куда не долженъ углубляться даже такой близкій вамъ обоимъ человѣкъ, какъ я. Но позвольте мнѣ теперь же положить горю, по крайней мѣрѣ, временный, механическій конецъ. На дняхъ я отсюда уѣзжаю для своихъ занятій. Я бы хотѣла, чтобы Елена поѣхала со мною проводить меня. Это путешествіе будетъ имѣть для нея значеніе временной передышки, благодаря которой она, можетъ быть, соберется съ силами съ цѣлью принять какія-нибудь опредѣленныя рѣшенія по отношенію къ своей жизни.

— Я буду очень радъ, если Елена на это согласится! — сказалъ, оживляясь, Викторъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ безпомощности Вѣра вышла изъ комнаты Виктора. „Мы сами виноваты въ нашемъ несчастіи,—думала она,—потому что не поняли элементарности Виктора. Мы приняли младенческій лепетъ вѣчнаго подростка за убѣжденныя слова установившагося человѣка и отдали въ его руки судьбу Елены, а онъ, засмотрѣвшись по сторонамъ, выронилъ эту судьбу изъ своихъ рукъ, не замѣчая этого, и теперь порхаетъ отъ одного настроенія къ другому, часто противоположному, не по предательству, а по легкомыслію и неустойчивости“...

VI.

Около мѣсяца, сестры путешествовали по Швейцаріи; но своеобразная прелесть уединенной жизни въ горахъ, мрачная красота грозныхъ скалъ и глубокихъ обрывовъ, несмолкаемый шумъ бѣшено несущихся съ высотъ водопадовъ произвели подавляющее впечатлѣніе на больную душу Елены. „Нѣтъ, не здѣсь можетъ затихнуть тоска и отдохнуть слабость,—подумала она—и предложила сестрѣ переѣхать черезъ Сенъ-Готардъ и поселиться на Борромейскихъ островахъ.

И черезъ два дня онѣ уже катались по озеру Маджоре. Прелестное голубое озеро, окруженное красивыми горами. По озеру мелькали многочисленныя лодки, въ которыхъ были видны молодыя, загорѣлыя лица, сіявшія полными жизни глазами; веселыя пѣсни носились въ тепломъ воздухѣ. Повсюду была видна и слышна жизнь—полная, сильная, торжествующая. Эта мягкая, очаровательная картина, эти пѣсни, согрѣтыя чувствомъ, эти оживленныя, жизнерадостныя лица—все это призывало къ жизни, влекло къ ней, обѣщало радости. При этомъ общемъ оживленіи подъ яснымъ небомъ и возстановляющимъ солнцемъ—замирала боль личныхъ огорченій, душа отрѣшалась отъ мелкихъ печалей своей мелкой личной жизни и раскрывалась для высшихъ чувствъ любви ко всему живущему.

Вѣра чувствовала на себѣ примиряющее вліяніе природы и радовалась за сестру, предполагая у нея такое же душевное настроеніе. Онѣ поселились въ этой мѣстности, и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль ихъ можно было видѣть блуждающими рука-объ-руку по берегу озера.

Онѣ никогда не говорили о прошедшемъ, вмѣстѣ читали, вмѣстѣ гуляли и относились другъ къ другу съ большимъ вниманіемъ и нѣжностью. Вѣрѣ хотѣлось заинтересовать сестру вопросами общественной жизни, показать ей, какъ вездѣ много хорошихъ дѣлъ и добрыхъ людей. Ей казалось уже, что сестра начинаетъ все это видѣть черезъ туманъ личнаго горя, и она надѣялась на ея полное выздоровленіе.

Но хаотическое состояніе души Елены не прояснялось. Изъ семейнаго разлада она вынесла одно отвращеніе къ жизни, и подъ его вліяніемъ ничего не желала отъ будущаго. „Куда идти? Чѣмъ жить дальше?“—думала она во время своихъ безсонныхъ ночей, освободившись отъ надзора и попеченія сестры, и она ясно сознавала, что ничего не желала для себя изъ всего не-

объятнаго живого міра. „Развѣ можно жить два раза, имѣть двѣ молодости и, разбившись, ожить снова? Нѣтъ, молодое, поэтическое чувство, съ которымъ идутъ безъ страха и сомнѣній на встрѣчу другому, чтобы вмѣстѣ нести труды жизни, бываетъ только одинъ разъ. Потомъ возможны дружескія связи по холодному разсчету, а поэтическое чувство молодости не повторяется послѣ разрушительныхъ бурь. „Чѣмъ же вознаградить неизгладимую потерю и выполнить пустоту, безсмысленность и безцѣльность дальнѣйшей жизни?“—спрашивала она себя снова и снова, и вдругъ страшно поблѣднѣла и оглянулась вокругъ испуганными глазами. Но мало-по-малу испугъ ея разсѣялся, и выраженіе ужаса на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ перешло въ выраженіе удовлетворенности, даже радости. „Да, это такъ... О, конечно, да... да“, —повторяла она дрожавшими губами.

Въ ея головѣ, спутанной неустойчивыми и противоположными душевными настроеніями, то желаніями конца, то порывами къ спасенію,—наконецъ окрѣпла мысль о возможности *навѣрное* скоро успокоиться, покончивъ оказавшуюся ни для чего ненужной жизнь. Сначала эта мысль ужаснула: въ ней заключалось что-то безобразное, противорѣчащее естественной потребности въ жизни; но безобразіе разсѣявалось подъ обаяніемъ предполагаемаго прекращенія страданій и вѣчнаго покоя.

„О, какъ хорошо перестать чувствовать горе и горечь, какъ хорошо перестать чувствовать все вообще!.. Заснуть и никогда не просыпаться... И теперь, пока не наросло раздраженіе и озлобленіе противъ всего существующаго,—теперь лучше, чѣмъ потомъ“...

И рѣшивъ, такимъ образомъ, свой вопросъ, она успокоилась и на видъ повеселѣла. Вѣра замѣтила эту перемѣну и радовалась ей.

— Ты теперь поѣзжай для своихъ дѣлъ, — сказала Елена сестрѣ во время своей вечерней прогулки. — Я теперь здорова и не потерплю, чтобы ты, няньчаясь со мной, такъ надолго покидала свою работу. Поѣзжай скорѣе. Я же останусь здѣсь еще на нѣсколько дней послѣ твоего отъѣзда: на меня благотворно дѣйствуетъ здѣшняя тишина и свобода, а потомъ... потомъ я возвращусь къ мужу,—прибавила она съ усиліемъ.—Я слишкомъ люблю его, чтобы покинуть прежде, чѣмъ это стало необходимостью. Пусть онъ любитъ меня, какъ можетъ, и украшаетъ свою жизнь, чѣмъ хочетъ. Я жажду примириться со всѣми особенностями его нрава, съ его слабостями и ошибками и любить его съ ними и несмотря на нихъ.

Вѣра просила отсрочить свой отъѣздъ, но Елена была неумолима.

— Меня тяготитъ твое присутствіе, — говорила она, — съ тѣхъ поръ, какъ я твердо стою на своихъ ногахъ, и для моей поддержки не нужны никакія жертвы.

Черезъ нѣсколько дней, уступая требованіямъ сестры, Вѣра собралась къ отъѣзду. Передъ выѣздомъ на желѣзную дорогу, онѣ долго сидѣли, обнявшись, въ углу комнаты.

— Не будь такъ одинока, — прерывисто говорила Вѣра: — сходись съ людьми чаще и больше; не будь къ нимъ безучастна, напротивъ,—будь къ нимъ неравнодушна: къ однимъ изъ сочувствія, къ другимъ — изъ состраданія, и это откроетъ для тебя новые міры дѣлъ и радостей, дастъ цѣли жизни высокаго значенія.

— Я люблю тебя, несмотря на всѣ твои нелѣпости,—перебила ее Елена.—Когда ты выучишься и начнешь свою работу, я пойду съ тобой, куда хочешь: ты—для предполагаемой пользы людямъ, я—для собственнаго развлеченія.

Взглянувъ на часы, онѣ порывисто встали съ мѣста, торопливо стали одѣваться, молча вышли изъ дома и молча поѣхали. Всю дорогу до вокзала онѣ ѣхали отвернувшись другъ отъ друга и боясь встрѣтиться глазами. Елена крѣпко сжала руку сестры.

— Нужно постараться поменьше страдать,—заговорила она, не обертываясь къ Вѣрѣ лицомъ.—Читай больше!—продолжала она торопливо, спѣша высказаться.—Не впадай въ исключительность и односторонность въ выборѣ книгъ. Читай Гёте, Шекспира, читай непремѣнно всѣхъ классиковъ—по крайней мѣрѣ изъ любопытства, если уже ты не считаешь этого необходимымъ для развитія.

Экипажъ остáновился. Онѣ вошли въ вокзалъ, обнялись и долго не могли оторваться другъ отъ друга.

VII.

Возвратясь одна назадъ, Елена была блѣднѣе и печальнѣе обыкновеннаго. Она не могла оставаться въ своей комнатѣ, гдѣ было слишкомъ свѣжо воспоминаніе о разлукѣ съ сестрой, и, въ раздумьи, пошла по берегу озера. Ноги ея подкашивались; потому она сѣла на траву, подъ нависшими деревьями, и, прислонивъ къ древесному стволу свою усталую и больную голову, *старалась* ни о чемъ не думать.

Надъ ней было ясное голубое небо. Какая тамъ тишина и покой! А непосредственно надъ ея головой таинственно перешептывались древесные листья... И о чемъ они шумятъ?!

Но страстная жажда покоя, заставлявшая ее искать спасенія въ непосредственномъ наслажденіи природой отъ безпрерывныхъ разсчетовъ съ жизнью, осталась неудовлетворенной. Вопросы, сомнѣнія и мученія дѣйствительности не затихали, а напротивъ, отъ желанія заглушить ихъ, они выступали настойчивѣе. „Можетъ быть, это—прирожденное свойство каждаго человѣка,—съ мучительной болью сердца начала она вновь соображать:—наслаждаться отдавшейся ему другой душой только до тѣхъ поръ, пока не испытанъ весь жаръ ея привязанности; а потомъ каждый этимъ насыщается и ищетъ другихъ источниковъ наслажденія. Значитъ, для возможности прожить нормально, нужно знать впередъ, что все бренно и конечно, искать и хватать временныя, быстро исчезающія радости жизни, не мучаясь при ихъ измѣнѣ, такъ какъ *все* измѣнчиво и конечно. Слѣдовательно, мнѣ, потерявъ любовь моего мужа, нужно бѣжать во всѣ стороны на поиски утѣшенія, т.-е. на привѣтливый взглядъ перваго встрѣчнаго, броситься ему на шею и потомъ... потомъ задохнуться отъ тоски и горя, которыя неизбѣжно причинитъ такой поступокъ. Или же возвратиться къ мужу, ничѣмъ и никому не выдавать, что изъ нашихъ отношеній отлетѣла душа,—слѣдовательно, лгать, переносить и его ложь безъ скорби и упрека... Но это невозможно, потому что это противно естеству.

„Любить, вѣрить,—говорила она себѣ,—всю жизнь употребить для счастья и спокойствія своего друга, ждать его, смотрѣть на него, восторгаться его радостями, вѣчно быть наготовѣ для его поддержки, томиться его печалями, все отдать, не бороться съ нимъ для отвоевыванія чего-то лично для себя... О, я умираю отъ желанія ощущать и внушать такое чувство! Но такое счастье возможно только при правдивости, взаимной прозрачности, что̀, очевидно, неосуществимо.

„Но нельзя ли жить любовью къ природѣ, къ правдѣ, ко всѣмъ людямъ безъ различія, жить безъ личныхъ связей, одной работой, поставивъ себѣ полезную другимъ цѣль жизни? Но что̀ можетъ быть общаго между мною и какими-то неизвѣстными мнѣ человѣческими массами? На почвѣ какой общей работы я могу сойтись съ этими чужими, иногда злыми, иногда непріятными, или просто незнакомыми мнѣ людьми? У меня нѣтъ живого чувства любви ко всѣмъ людямъ безъ различія; есть къ нимъ незлобіе, доброжелательство, но нѣтъ горячаго, дѣятельнаго чувства. Я не испы-

тывала его и прежде, при жизнерадостномъ настроеніи юности; а теперь мнѣ особенно смутно и холодно все отвлеченное. Я принадлежу, очевидно, къ эфемернымъ и непроизводительнымъ человѣческимъ созданіямъ. Жизнь моя поддерживается восторгомъ, любовью, а не мыслью и убѣжденіемъ. Моя жизненная задача, очевидно, исчерпана моими неудачами и—кончена. Теперь я не могу ни присоединиться къ чему-либо, ни привязаться. Я не могу полюбить тѣхъ, къ кому моя любовь разбита, и, зная бренность всего земного, не могу привязаться къ новымъ людямъ: первымъ я не въ силахъ простить, вторымъ—повѣрить"...

Она чувствовала себя какъ на кладбищѣ: святыя преданія, свѣтлыя воспоминанія, милыя тѣни,—но нѣтъ ничего живого, реальнаго, къ чему можно было бы прикрѣпиться всей душой и жить за-одно. Остались одни памятники того, что̀ ей когда-то было дорого, и ее влекло припасть къ этимъ дорогимъ могиламъ всѣхъ ея надеждъ, желаній, всей ея душевной юности—и умереть самой.

О, еслибы доброжелательство—ко всѣмъ людямъ безъ различія—можно было излить въ какія-либо опредѣленныя, уже существующія формы дѣятельности, которыя можно было бы взять готовыми, а не создавать ихъ своимъ невѣрующимъ, разбитымъ сердцемъ, во время остраго душевнаго кризиса, еслибы можно было реализовать всѣ добрыя чувства, которыя сохранялись въ глубинѣ души въ продолженіе всей жизни,—тогда, вѣроятно, можно было бы спастись; но теперь, когда для человѣколюбивыхъ стремленій—одни неопредѣленныя, блѣдныя, отъ всякаго анализа тающія представленія,—жить нечѣмъ и незачѣмъ. Оставаться въ индифферентной толпѣ безъ чувства и цѣли, выносить пошлость пустыхъ словъ, безсодержательность всѣхъ отношеній, никого не поддерживая мукой такого существованія, когда душа холодна и ни къ кому не трепещетъ на встрѣчу... Это хуже смерти, это разложеніе за-живо!...

На башенныхъ часахъ пробило десять часовъ. Кругомъ все стало затихать. Елена встала съ земли и тихо вошла въ недалеко стоявшую отъ мѣста ея отдохновенія церковь. Тамъ предъ распятіемъ Спасителя теплилась лампада, которая бросала на голыя темныя стѣны небольшой красноватый свѣтъ. Эта тишина и полумракъ въ иной міръ манила полумертвую душу Елены, и она въ какомъ-то полузабытьи упала на колѣни.

Это не былъ припадокъ религіознаго чувства. Въ ней не было такого чувства: оно погибло, какъ почти все ея душевное содержаніе, въ вихрѣ перенесенныхъ ею бурь и разочарованій,

лишивъ ее своей могучей опоры. То, что она уничиженно распростерлась на полу, благоговѣйно смотря въ вышину,—было безсознательнымъ движеніемъ, которымъ разряжалось ея желаніе со всѣмъ проститься, передъ кѣмъ-то высказаться, оправдать передъ невѣдомымъ Судьей—пустопорожность своего сердца. Она долго стояла на колѣняхъ, прислонивъ голову къ холодной стѣнѣ, освѣщенной красноватымъ мерцаніемъ. Эти минуты не были ужасны. Тогда было хуже, когда отвращеніе къ жизни боролось съ любовью къ ней, и сердце умирало и воскресало снова. Теперь сердечная агонія была кончена и оставалось—лечь костьми. А тѣлесно умереть не трудно, когда сердечно со всѣмъ покончено.

Потомъ она встала, вышла изъ церкви и направилась къ озеру. Она знала, зачѣмъ она туда шла, хотя не была увѣрена, свершится ли тамъ то, чего она хотѣла. Въ головѣ ея была путаница, въ сердцѣ—отчужденіе ото всего на свѣтѣ. Она подошла къ водѣ и пошла на пароходную пристань. Смутное сознаніе, что она на краю погибели, что для нея наступаетъ теперь нѣчто безповоротное, заставило ее встрепенуться и попытаться еще разъ разъяснить себѣ состояніе своей души. Но эта попытка была безуспѣшна: все въ душѣ было спутано и задавлено ощущеніемъ наступающей развязки. Она тоскливо оглянулась вокругъ. Все въ природѣ жило полною, торжественною жизнью. Она закинула голову и долго смотрѣла на синій, сіяющій вѣчными звѣздами небесный сводъ. Но ни радости, ни призыва къ жизни не вдохнула въ нее прекрасная, спокойная и безучастная небесная глубина. Она приблизилась къ краю пристани и скользнула въ воду... Волны всплеснулись, на минуту приподняли ея тѣло, а потомъ поднялись надъ нимъ. Кругъ на водѣ, причиненный ея паденіемъ, быстро сгладился; окружающая природа оставалась такая же радостная: то же могущество и полнота жизни, тотъ же таинственный свѣтъ безчисленныхъ звѣздъ, тотъ же ароматъ въ воздухѣ, и ничто не выдавало, что тутъ только-что погибла молодая жизнь...

VIII.

Городъ, въ которомъ пріютилась Вѣра для своихъ занятій, былъ небольшой и тихій. Патріархальность нравовъ его обитателей, а главное, ихъ равнодушіе къ новымъ теченіямъ жизни—дали ей возможность заниматься въ университетѣ избранными науками безъ большихъ препятствій, хотя не безъ непріятностей.

Она возбуждала большое нерасположеніе къ себѣ всего мѣстнаго населенія; но надъ ней больше смѣялись, чѣмъ преслѣдовали, какъ вредное явленіе, а потому ей было можно существовать. Среди этихъ людей, ждавшихъ съ улыбками издѣвательства комическаго конца всей ея затѣи, она ни съ кѣмъ не знакомилась, ища друзей только въ книгахъ, и лучшіе годы первой молодости прошли въ полномъ одиночествѣ не только безъ всякаго даже отдаленнаго участія въ окружающей жизни, но даже безъ возможности высказаться. Одиночество во время самаго усиленнаго духовнаго роста—въ корнѣ искажаетъ характеръ человѣка. Оно вынуждаетъ только въ самомъ себѣ отыскивать отвѣты на всевозможные вопросы и сомнѣнія, находить опору и отраду. Вѣчная пустыня вокругъ подавляетъ мысль, что возлѣ могутъ оказаться близкіе люди и встрѣтиться сочувствіе, заставляетъ сомнѣваться въ возможности привязанностей, не вѣрить имъ и, наконецъ, обходиться безъ нихъ. Такимъ образомъ, одиночество портитъ нравъ, высушиваетъ самые завѣтные источники человѣческаго счастія.

Вначалѣ Вѣра дѣлала попытки вникнуть въ окружающую жизнь, понять ее и извлечь изъ нея для себя полезныя нравоученія. Эти корректные люди, въ страну которыхъ она попала, съумѣли устроиться лучше, чѣмъ гдѣ-либо, оказывали пріютъ и помощь чужеземцамъ для ихъ мирной жизни; слѣдовательно, они носили въ душѣ великія начала добра и справедливости; а между тѣмъ ихъ обыденная жизнь казалась мертвенной и плоской, встрѣчаемые люди были безучастны и холодны. Проявляемыя ими добродѣтели были исключительно отрицательныя: не мучили, не оскорбляли, но не было видно никакихъ сильныхъ добрыхъ движеній, ничего выпуклаго, яркаго, захватывающаго. Казалось, что эти люди, когда-то вставшіе впереди всѣхъ другихъ, потомъ замерли въ застывшихъ формахъ хорошей жизни и, какъ въ сказочномъ снѣ, стоятъ неподвижно цѣлыя столѣтія. Нѣтъ волнующаго настоящаго, нѣтъ намековъ на оживленное будущее. Все замерло, какъ очарованное, безъ движенія, въ чудной рамкѣ внѣшней природы неописуемой красоты.

По окончаніи ежедневныхъ занятій въ университетѣ, Вѣра возвращалась въ свою комнату, растворяла окна и задумчиво смотрѣла вдаль. Вдали—синее небо, горы съ снѣжными вершинами, мѣстами прикрытыя ползущими по нимъ облаками... Заманчивая неизвѣстность влекла въ свой таинственный туманъ отъ сухой и холодной дѣйствительности. Такъ и тянуло туда вдаль, куда ни на есть, броситься тамъ въ волны жизни. О, съ какимъ

самозабвеніемъ она, намучившись своею отчужденностью отъ всего на свѣтѣ, присоединилась бы теперь къ общему съ другими людьми движенію къ добру, а потомъ пожалуй бы погибла, пожалуй бы страдала всю остальную жизнь.

Когда одиночество особенно сильно тяготило ее, она уходила изъ дома, взбиралась на небольшую ближайшую гору, гдѣ почти никогда не встрѣчались люди. Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ, лежалъ большой камень, на которомъ она любила сидѣть, положивъ на древесныя вѣтви голову, и мечтать о жизни. Передъ нею въ могучемъ величіи стояли посеребренныя вѣчными снѣгами горы, озеро свѣтилось въ зеленыхъ берегахъ, небо синѣло. Душа рвалась въ таинственную даль. О, какъ бы хотѣлось помогать, любить, вызывать радость и ощутить ее собственнымъ сердцемъ! А внизу стоитъ мрачный городъ, въ которомъ тянется черствая, недружелюбная жизнь дурно-настроенныхъ людей, внизу—несчастія, предразсудки, злоба... Такъ бы и бросился туда, чтобы расшевелить тамъ всѣхъ людей, зажечь въ ихъ сердцахъ огонь любви и милосердія! Но какъ съумѣть самой зажечься божественнымъ огнемъ, чтобы стать способной воспламенять имъ сердца другихъ людей? Гдѣ способы стать лучше, подняться выше?

Прошло болѣе четырехъ лѣтъ такой затворнической жизни, и Вѣра совершенно измучилась отъ сомнѣній, недоумѣній и тоски по жизни. Она начала сомнѣваться даже въ значеніи того дѣла, къ которому готовилась, и охладѣвать къ нему. Проводя цѣлые дни посреди больныхъ и умирающихъ, слыша разсказы только объ однихъ несчастіяхъ, лишеніяхъ и всевозможныхъ дурныхъ условіяхъ жизни, какъ предшественникахъ болѣзни, она недоумѣвала, что она впослѣдствіи будетъ дѣлать сама въ этомъ очарованномъ кругу бѣдъ, вызывающихъ и поддерживающихъ одна другую. А между тѣмъ, вокругъ этого самаго дѣла, къ которому она не знала, какъ нужно правильно приступиться, была вѣчная суета, предложеніе услугъ взапуски со всѣми спортсменскими пріемами для перегонки соревнователей. Значитъ, и это симпатичное дѣло—посильной помощи страждущему—выродилось въ уродливость: облегченіе больного—не единственная цѣль оказывающихъ помощь, а поводъ для состязательной борьбы самолюбій и тщеславія. Значитъ, все это дѣло—не скромное подвижничество въ помощь несчастнымъ, какъ это казалось издали, а скачка съ препятствіями и въ перегонку,—однимъ словомъ, дѣло безумія и жестокости.

Въ то время какъ потребность въ общеніи съ людьми достигла крайнихъ размѣровъ въ душѣ Вѣры, она случайно по-

знакомилась съ одной пожилой туземкой, встрѣча съ которой произвела сильное вліяніе на душевное настроеніе Вѣры въ послѣдніе мѣсяцы ея заграничной жизни.

У Берты Мейненъ заболѣлъ сынъ. По порученію профессора, лечившаго мальчика, Вѣра посѣщала больного нѣсколько разъ въ день и, желая облегчить тревоги его матери, проводила въ его комнатѣ цѣлыя ночи. Эти безсонныя ночи у постели тяжелобольного сразу тѣсно сблизили ее съ его матерью.

Вѣчно занятая, очень добрая и умная, Берта Мейненъ произвела на Вѣру сразу сильное впечатлѣніе. Она всегда находила цѣли для дѣятельной любви, указываемыя дѣйствительностью, углублялась въ нихъ съ потребностью дѣйствовать истинно добраго сердца, и не могла, даже не умѣла смотрѣть на явленія жизни, для кого-либо важныя, съ той напыщенной высоты, съ которой для холодной души все кажется крайне мелкимъ. Она внимательно и бережно относилась къ каждому живому существу, къ каждой встрѣчаемой нуждѣ и находила возвышенныя задачи для дѣятельности тамъ, гдѣ холодные люди видѣли только пустяки и поводы для раздраженія. Мужъ, два сына, люди, служившіе въ домѣ, т.-е. посвятившіе себя, какъ могли, заботамъ о ея спокойствіи и благоустройствѣ, это былъ для нея міръ близкихъ ей лицъ, слѣдовательно собраніе потребностей, объ удовлетвореніи которыхъ необходимо заботиться. А развѣ не важна, по своему значенію и смыслу, задача работать для достиженія наибольшаго благополучія близкихъ?!

— Я счастлива,—говорила она Вѣрѣ, пораженной и очаруванной ея мудрой простотой,—у меня хорошій мужъ, милыя дѣти, честные слуги; я счастлива, потому что нахожусь въ завидномъ положеніи—заботиться о благополучіи хорошихъ людей.

У Берты были два сына, которые, едва умѣя читать и писать, не посѣщали никакой школы и были почти неразлучны съ матерью.

— Я не допущу ихъ заниматься рано и слишкомъ много всевозможными науками,—говорила съ убѣжденіемъ Берта.—Ученіе отвлекаетъ дѣтей отъ дѣйствительной жизни; ихъ толкаютъ въ него слишкомъ рано изъ побужденій честолюбія; они выростаются въ этихъ нечистыхъ стремленіяхъ и черствѣютъ для жизни. Проводя цѣлые дни за книгами, они тупѣютъ для впечатлѣній дѣйствительности и, все узнавъ изъ книгъ, не чувствуютъ ни боли, ни радости отъ явленій жизни. Меня возмущаетъ хорошее мнѣніе, что истязаніе дѣтей чрезмѣрными научными занятіями выкупается получаемой отъ этого пользой обществу, даже

человѣчеству. Спасать людей умственной работой—удѣлъ рѣдкихъ, исключительныхъ личностей, а громадное большинство книгокропателей совершенно непроизводительно поглощаютъ книжную мудрость, убивая въ себѣ всѣ зачатки сердечной жизни непосильной головной работой, — слѣдовательно, грубѣя и губя этимъ жизнь свою и своихъ близкихъ. Нѣтъ, я не хочу такой жалкой участи для моихъ дѣтей! Если у нихъ не окажется исключительной талантливости для научной работы, пусть остаются несвѣдущими: копаютъ землю, занимаются ремеслами, но остаются добрыми и сохраняютъ благорасположеніе ко всему окружающему. Это будетъ неизмѣримо выше безполезнаго наукокропательства, сдобреннаго фразерствомъ и самомнѣніемъ. Вращаясь въ кругу ученыхъ, ты,—говорила она Вѣрѣ,—сама должна знать, какое прискорбное явленіе упадка представляютъ люди, не одаренные высокимъ даромъ быть друзьями и благодѣтелями другихъ людей, посредствомъ умственнаго труда, тѣмъ не менѣе взявшіеся за это святое дѣло. Ты, вѣроятно, ежедневно встрѣчаешь врачей, которые представляютъ собою не друзей несчастныхъ, не ихъ участливыхъ помощниковъ въ дни скорби и отчаянія, а напыщенныхъ жрецовъ, священнодѣйствующихъ и недоступныхъ. Ты должна безпрестанно видѣть такихъ естествоиспытателей, вся высокая образованность которыхъ въ ихъ жизни выражается только тѣмъ, что они своею грубостью дѣйствительно *испытываютъ естество* своихъ близкихъ.

Часто цѣлые вечера Берта и Вѣра проводили вмѣстѣ, бесѣдуя о жизни.

— Развѣ ты мечтаешь прожить лучше и полезнѣе меня? — спрашивала Берта, выслушивая горячіе планы своей молодой подруги. — Леча людей и принося этимъ одну проблематическую пользу, но постоянно тѣша этимъ свое самолюбіе, слѣдовательно развращаясь,—почему ты мечтаешь быть полезнѣе меня, отдавшейся всецѣло на дѣла и нужды текущей жизни? Я не убиваю моей души за вашими книгами, я не прочитываю цѣлыхъ фоліантовъ, чтобы извлечь изъ нихъ одну крупицу простого здраваго смысла, пригоднаго для жизни, но зато передъ моими незатуманенными глазами—вся жизнь, всѣ люди, мечущіеся въ горяхъ и заботахъ. Я вижу, люблю, сочувствую и помогаю, какъ могу. И какъ, при такой простой жизни, сравнительно цѣла моя душа! Въ то время какъ всѣ вы, отупѣвшіе надъ книгами, остаетесь холодны при встрѣчѣ съ живымъ зломъ, находя его при данныхъ условіяхъ естественнымъ, моя душа взываетъ о помощи. Ты скажешь, что такой чувствительностью

не уничтожится встрѣчаемое зло,—но вѣдь оно не побѣдится и вашимъ философскимъ равнодушіемъ; мое сочувствіе доставитъ по крайней мѣрѣ отраду страдальцу и пріободритъ ослабѣвшаго, а ваша всезнающая мудрость не сдѣлаетъ даже и этого никому и никогда. Спасти всѣхъ—нельзя даже и очень крупнымъ людямъ, а, задаваясь такой непосильной задачей, можно безслѣдно потеряться для всякаго дѣла и съ своей искусственной высоты пренебречь—употребиться на услуги нуждающимся, которыя многимъ нужны и по силамъ каждому.

— Нѣтъ, я не заучилась до безчувствія!—возражала чуть не со слезами Вѣра.—Все живое трогаетъ и глубоко интересуетъ меня.

— Такъ ли это?—спросила Берта, устремляя на Вѣру свои ясные глаза.—Для возможности воспитать въ душѣ вниманіе и доброжелательство ко всему живущему нужно сохранить въ себѣ неубитую лукавымъ мудрствованіемъ впечатлительность и непосредственность, а безъ этихъ драгоцѣнныхъ качествъ, смотря по верхамъ и готовясь къ участію въ міровыхъ переворотахъ, неизбѣжно всякому, даже доброму человѣку, просмотрѣть доступныя ему дѣла любви и милосердія.

— Но какъ же жить безъ идеаловъ, безъ страстнаго желанія внести свои малыя духовныя силы въ большія общечеловѣческія движенія?..

Берта печально покачала головой.

— Все это—безумная гордость,—сказала она съ жаромъ,—суетное высокомѣріе! Ты погибнешь на этомъ пути, какъ полевая трава, а между тѣмъ въ тѣсномъ кругу семейной жизни ты могла бы составить никѣмъ другимъ незамѣнимое счастье нѣсколькихъ лицъ. Замѣчательно, что именно гордость завлекаетъ васъ въ такія сферы, гдѣ менѣе всего ей можно найти удовлетвореніе. Развѣ въ сферѣ общественнаго труда, гдѣ люди обезличиваются и своимъ появленіемъ и исчезновеніемъ не измѣняютъ строя всего дѣла и не вліяютъ на его направленіе, легко найти удовлетвореніе тщеславію? Только въ личной жизни, гдѣ сохраняется индивидуальность каждаго, гдѣ каждый вноситъ въ жизнь *все свое* и освѣщаетъ ее по-своему, гдѣ нельзя быть механически замѣщеннымъ другимъ безъ разрушенія всего характера жизни, только тамъ возможно удовлетвореніе личныхъ стремленій. Впрочемъ, это—твоя національная особенность. Всѣ русскіе, которыхъ я встрѣчала и судьбу которыхъ знала, цѣнили только громкое, яркое, даже напыщенное, а потому въ молодости они обыкновенно фразируютъ о великомъ, а потомъ

пристроиваются къ дѣламъ безъ всякаго значенія и ведутъ и кончаютъ жизнь въ полномъ разладѣ съ своими молодыми стремленіями...

IX.

— Я познакомилась еще съ однимъ русскимъ, — сказала однажды Берта Вѣрѣ.—Онъ здѣсь на нѣсколько мѣсяцевъ для научныхъ занятій. Говоритъ все то же, что̀ и ты, но онъ несравненно ниже тебя духовно: холоденъ и тщеславенъ до отвращенія.

Сердце Вѣры болѣзненно сжалось, и она ясно почувствовала свою органическую связь съ людьми, о которыхъ такъ пренебрежительно отзывалась Берта.

Вскорѣ Вѣра зашла къ Бертѣ случайно ранѣе обыкновеннаго. Берта встревоженно вышла къ ней на встрѣчу, не обнаруживая обычной радости по случаю ея прихода.

— Ко мнѣ сейчасъ явится твой соотечественникъ,—сказала она торопливо.—Ты еще успѣешь уйти, если не желаешь съ нимъ встрѣтиться. Знаешь,—прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія, видя, что Вѣра не уходила, а только удивленно смотрѣла на нее во всѣ глаза:—я бы не хотѣла, чтобы ты съ нимъ знакомилась. По-моему, онъ долженъ производить на молодыхъ сильное, но невѣрное впечатлѣніе. Отъ такого заблужденія нельзя спасти молодыхъ, какъ вообще никого не удается вразумить своимъ опытомъ. Опытъ—достояніе цѣнное, но безполезное: для себя онъ запоздалъ, для другихъ—неубѣдителенъ.

Вѣра улыбнулась и хотѣла отвѣчать, но въ дверь постучали, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ невысокаго роста, свѣтло-русый и блѣдный. Его некрасивое, ничѣмъ не оттѣненное лицо, съ усталыми сѣрыми глазами, казалось безцвѣтнымъ и непривлекательнымъ.

— Я много слышалъ о васъ и давно желалъ съ вами познакомиться!—сказалъ онъ Вѣрѣ по-нѣмецки, когда Берта представила ихъ другъ другу, смотря ей прямо въ глаза, и Вѣра тутъ же замѣтила, что, несмотря на безцвѣтность, глаза его были прекрасны по глубинѣ и выразительности ихъ взгляда.

Онъ сѣлъ и оживленно заговорилъ; говорилъ много и необыкновенно интересно: коротко и поверхностно отвѣчалъ на возраженія и вопросы, но пространно и красиво высказывался, художественно разсказывалъ и часто, во время своей изящной рѣчи, обращался къ Вѣрѣ, какъ бы угадывая, что она не могла отвести отъ его лица своихъ внимательныхъ и сочувствующихъ

глазъ. Онъ разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, о прочитанныхъ книгахъ, декламировалъ на память множество стиховъ. Живость и разнообразіе его разсказа, глубина описанныхъ имъ его впечатлѣній, изящество выбора декламированныхъ имъ стиховъ — очаровали Вѣру, и она, несмотря на предостереженіе Берты, находилась подъ самымъ выгоднымъ впечатлѣніемъ отъ новаго знакомства.

— Вы любите, повидимому,—сказалъ Николай Павловичъ, обращаясь къ Вѣрѣ,—творенія моихъ любимцевъ. Позвольте мнѣ на этихъ дняхъ зайти къ вамъ и прочесть вамъ все, наиболѣе выдающееся изъ этихъ авторовъ.

Это предложеніе было такъ дружелюбно, что Вѣра, съ выраженіемъ большого удовольствія, приняла его. Послѣ этого онъ скоро ушелъ.

Вѣра дольше обыкновеннаго оставалась у Берты послѣ его ухода. Она ничего не говорила о своемъ новомъ знакомомъ, но ея особенная оживленность рѣзко свидѣтельствовала о глубинѣ оставленнаго имъ впечатлѣнія. Она была очень разговорчива и улыбалась цѣлый вечеръ. Берта понимала, что повторять предостереженіе было бы грубо и нецѣлесообразно, а потому только печально смотрѣла на свою подругу, когда та уходила отъ нея, вся сіяя.

Дня черезъ два, Николай Павловичъ пришелъ къ Вѣрѣ съ обѣщанными книгами.

Встрѣча съ интереснымъ человѣкомъ послѣ четырехлѣтняго одиночества, русскій разговоръ о дѣлахъ, съ которыми она была связана лучшими чувствами,—все это радостно волновало Вѣру.

Комната, въ которой они сидѣли, была узкая, длинная и мрачная. Маленькая лампа тускло освѣщала темныя стѣны. Откуда-то дуло, и блѣдный свѣтъ таинственно колебался по стѣнамъ.

— Слушайте, слушайте! — говорилъ прерывисто Николай Павловичъ, и все читалъ, читалъ нѣсколько часовъ сряду, не поднимая головы. Звучный голосъ его то поднимался, то замиралъ, то дрожалъ отъ волненія; его блѣдныя щеки то вспыхивали, то блѣднѣли болѣе прежняго; съ опущенныхъ рѣсницъ падали рѣдкія слезы. Вѣра слушала, не спуская съ него глазъ и боясь проронить хоть одинъ звукъ. Она слушала, какъ очарованная, не отдѣляя чтеца отъ автора: сочувствіе перваго послѣднему сливало для нея оба лица въ одно, и, восхищаясь прочитаннымъ, она относила причину восторга къ лицу, которое ей доставляло его. Принимая все прочитанное излившимся изъ

собственной души чтеца, она чувствовала восторженный откликъ ему въ своемъ сердцѣ. Такъ недавно ей совершенно неизвѣстный, онъ былъ теперь уже просвѣтленъ въ ея глазахъ всѣмъ тѣмъ, что онъ читалъ съ такимъ изумительнымъ выраженіемъ, онъ уже сталъ ей дорогъ. Все, прочувствованное ими сегодня вмѣстѣ крѣпко-на-крѣпко связало ихъ навсегда

— А, уже поздно! Я совершенно не слѣдилъ за временемъ!—сказалъ вдругъ Николай Павловичъ, обрывая чтеніе.

— Поздно? Какъ незамѣтно пролетѣли цѣлые часы!

Она встала съ мѣста, чувствуя головокруженіе и туманъ передъ глазами. Онъ протянулъ ей руку, крѣпко пожалъ ея руку и вышелъ изъ комнаты, не сказавъ, когда придетъ еще, повидимому, тоже въ какомъ-то чаду. Она слышала, какъ онъ вышелъ изъ дома, какъ за нимъ захлопнулась наружная дверь дома, какъ раздались его шаги на улицѣ. Она чувствовала, что онъ уже ей близокъ, что онъ ея другъ, что нѣчто крѣпкое и прочное связало ихъ вмѣстѣ. Она обернулась вокругъ: все тѣ же стѣны, тѣ же предметы въ комнатѣ, тотъ же слабый, колеблющійся свѣтъ; но въ душѣ было что-то новое, особенное, неотразимое. Она сознавала, что встрѣча съ этимъ человѣкомъ измѣнила ея жизнь, и она ощущала слѣды перемѣны на каждомъ предметѣ.

На другой день Вѣра получила записку отъ Николая Павловича. „Мнѣ бы хотѣлось придти къ вамъ читать сегодня, — писалъ онъ.—Отвѣтьте только одно слово: можно, или нѣтъ“.— „Приходите,—отвѣчала она,—я буду счастлива“.

Обаяніе первыхъ встрѣчъ было такъ сильно, что ей не приходило въ голову старательно обдумывать и взвѣшивать обращаемыя къ нему слова. Она видѣла въ немъ добраго, готоваго всѣмъ помочь, утѣшить и одобрить друга, и радостно ждала его. Она вся просіяла, когда онъ вошелъ въ комнату, и долго жала его руку, въ порывѣ сердечнаго привѣтствія.

Онъ опять много читалъ, а потомъ долго и тепло говорилъ о Россіи, о своемъ стремленіи къ общественной дѣятельности, о своемъ сочувствіи Вѣрѣ.

— Позвольте мнѣ приходить къ вамъ чаще, — сказалъ въ заключеніе Николай Павловичъ. — Я знаю, что не имѣю права отвлекать васъ отъ работы; кромѣ того, я долженъ много заниматься самъ. Но позвольте мнѣ приходить къ вамъ съ моей работой и заниматься молча въ вашей комнатѣ.

И послѣ этого они часто проводили цѣлые вечера вмѣстѣ, каждый за своимъ дѣломъ, обмѣниваясь только взглядами. И

работа обоихъ при этомъ шла прекрасно. Присутствіе, даже нѣмое, любимаго человѣка дѣйствуетъ благотворно, какъ теплота и свѣтъ солнца.

Вѣра съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе привязывалась къ Николаю Павловичу. Довѣріе и преданность, которыя онъ внушалъ ей, согрѣвали ее, и она, не допрашивая себя о значеніи этихъ чувствъ и о ихъ послѣдствіяхъ, радостно отдавалась имъ. Совершенно другіе поводы къ сближенію съ Вѣрой были у Николая Павловича. Его холодное сердце было недоступно для теплыхъ привязанностей. Люди, какъ книги, занимали только его голову, и только до тѣхъ поръ, пока онъ не узнавалъ вполнѣ ихъ содержанія; а узнавъ содержаніе, онъ терялъ всякій интересъ къ нимъ; поэтому сближеніе съ людьми у него совершенно обрывалось на той чертѣ взаимнаго пониманія, гдѣ оно только начиналось на-крѣпко у людей съ сердцемъ. Не влеченіе и участливость къ людямъ, а тщеславное желаніе вліянія и власти надъ ними заставляло его изучать искусство быстраго пониманія людей и упражняться въ умѣньи раскрывать человѣческія души. При встрѣчѣ съ Вѣрой, онъ нашелъ вначалѣ въ ней много интереснаго. Ея простота и прямота произвели на него впечатлѣніе: книга показалась ему занимательной; но, увидавъ, съ какимъ восторгомъ она спѣшитъ ему на встрѣчу, онъ понялъ, что путь къ ея сердцу незамысловатъ, и охладѣлъ къ ней, а все-же продолжалъ ее плѣнять, изъ суетнаго желанія всѣмъ нравиться.

Однажды они особенно долго говорили. Со всѣхъ своихъ душевныхъ сторонъ досмотрѣнная и по всѣмъ важнымъ вопросамъ допрошенная, Вѣра была особенно растрогана сама своею откровенностью. Когда Николай Павловичъ собрался уходить, она порывисто встала съ своего мѣста.

— Я пойду проводить васъ до-дому,—сказала она.—Мнѣ сегодня особенно тяжело прощаться съ вами.—И они пошли вмѣстѣ рука-подъ-руку по опустѣвшимъ улицамъ города. Была чудесная темная ночь съ сильно свѣтящимися звѣздами. Вѣра радостно смотрѣла на голубой небесный сводъ, и ей казалось, что какая-то сила жизни нисходила оттуда въ ея душу. „Какъ хорошъ міръ!—думала она:—и какъ все одухотворено для меня теперь присутствіемъ любимаго человѣка! Даже здѣсь, гдѣ можно себя чувствовать хорошо, только смотря по сторонамъ, только дыша и грѣясь на солнцѣ, даже и здѣсь можно быть счастливой только при дружескомъ общеніи съ хорошими людьми. Да, только присоединеніе къ милымъ, любимымъ людямъ для общаго

съ ними труда на пользу и помощь многимъ—даетъ высшую радость жизни"...

— Можно ли быть счастливѣе въ дружбѣ?—сказала Вѣра, пожимая руку Николая Павловича.—Бываютъ ли минуты свѣтлѣе въ человѣческой жизни? Мнѣ ужасно жаль сегодняшняго дня. Страшно, что онъ проходитъ, и все очарованіе сейчасъ кончится.

— Да,—отвѣчалъ Николай Павловичъ,—мнѣ тоже будетъ памятенъ сегодняшній день. Я бы очень хотѣлъ сохранить о немъ на всю жизнь какое-нибудь реальное воспоминаніе. Дайте мнѣ это!—прибавилъ онъ, протягивая руку къ платку, которымъ она вытирала катившіяся изъ ея глазъ слезы.

Она подала ему платокъ. Голова ея склонилась къ нему на плечо. И такъ молча шли они по пустыннымъ улицамъ, не думая о возможности встрѣчъ и о впечатлѣніи, которое они произведутъ на прохожихъ.

„Да,—продолжала думать Вѣра,—только любовь къ хорошимъ людямъ даетъ начало добрыхъ дѣлъ. Безъ сердечныхъ связей и дружнаго съ другими людьми общенія весь жаръ добрыхъ желаній пропадетъ безслѣдно, какъ вздохъ сочувствія при грохотѣ уличнаго шума, какъ взглядъ, преисполненный нѣжности, упавшій въ пустыню".

А Николай Павловичъ? Онъ былъ смущенъ. Сознаніе чего-то дурного, даже преступнаго съ его стороны, тяготило его. Онъ былъ радъ, что они подошли къ дому, гдѣ онъ жилъ, и свиданіе получило механическій конецъ. Его душила тоска, недовольство собою. Искусственныя чувства, въ изображеніи которыхъ онъ упражнялся, не согрѣвали, а томили его. Онъ видѣлъ, что ему уже принадлежала душа Вѣры, и чувствовалъ отъ этого не радость, а стѣсненіе. „О, это нужно кончить скорѣе, скорѣе!"—повторялъ онъ, садясь къ открытому окну въ своей комнатѣ.

И онъ мрачно смотрѣлъ на то же самое небо, свѣтившееся безчисленными звѣздами, откуда, нѣсколько минутъ назадъ, почерпала свою радость душа Вѣры, и не чувствовалъ облегченія; его все раздражало и гнело... „И всѣ ея душевныя движенія—такія же, какъ у другихъ. Все можно предвидѣть, предсказать, вызвать, какъ по заказу",—подумалъ онъ съ раздраженіемъ, и все же сознаніе, что въ отвѣтъ на искреннее чувство преданности онъ ничего не нашелъ въ своемъ одеревенѣломъ сердцѣ,—кромѣ вульгарнаго притворства и слащавыхъ словъ безъ смысла и значенія,—угнетало его.

На другой день Вѣра ждала его къ себѣ въ урочный часъ.

Она вскрикнула отъ непреодолимаго волненія, когда онъ вошелъ въ комнату, хотя уже давно ждала его.

— Какъ я рада, что вы пришли! Я уже давно ждала васъ,— заговорила она, смотря на него своими ясными глазами.

Даже его, опытнаго актера въ подобныхъ случаяхъ, смутилъ этотъ взглядъ, и онъ неловко потупился.

Признаніе въ любви еще не было произнесено ею, но оно чувствовалось, оно какъ бы носилось въ окружавшемъ ихъ воздухѣ. Недостойная игра съ наивнымъ сердцемъ достигла своей недостойной цѣли: сердце было отдано за фразерство и кривлянье. Теперь ему оставалось внести новую побѣду въ число доказательствъ своего мастерства по части сердцевѣдѣнія, и бѣжать, спасаться отъ слезъ, желаній, можетъ быть—требованій.

— Милый другъ,—выговорилъ онъ наконецъ, путаясь и заикаясь:—вы относитесь ко мнѣ слишкомъ горячо, чего я не заслужилъ. Я просто затрудняюсь теперь являться передъ вами... Намъ надобно видѣться рѣже...

Было такъ грубо и пошло все, что̀ онъ говорилъ ей дальше, путаясь и не смѣя съ ней встрѣтиться глазами. И вотъ, фальшивый тонъ рѣзко прозвучалъ въ воздухѣ, насыщенномъ любовью, и былъ услышанъ. Чудный свѣтъ, которымъ встрѣча съ Николаемъ Павловичемъ все освѣтила въ душѣ Вѣры, мгновенно померкъ, и она содрогнулась. Что̀ это? Откуда это? Вырвавшіяся у него экспромптомъ, неприготовленныя, несоотвѣтствующія его роли слова открыли ей мгновенно совершенно новую точку зрѣнія на всѣ его поступки. Она слушала его слова и съ трудомъ понимала ихъ смыслъ: это не была сердечная рѣчь милаго друга, а слова мелкаго притворства и душевной низости. Она болѣзненно содрогнулась отъ грубаго прикосновенія къ ея настроенной на высочайшую ноту душѣ, мгновенно увидѣла, что все, чѣмъ она жила послѣднее время, было сочинено ею, что въ ея жизни сейчасъ свершилось что-то ужасное, зловѣщее.

— Зачѣмъ же намъ нужно видѣться рѣже, если у васъ есть дружба ко мнѣ?—сказала она послѣ тяжелаго молчанія, и этотъ тонъ, эти жесткія слова, весь этотъ полемическій языкъ возраженій и недоразумѣній—помрачилъ и изуродовалъ для нея все.

„Что̀ же это было?—спрашивала она себя.—Что̀ такое я? Что̀ такое онъ?“ Она сходила съ ума отъ этого вынужденнаго и поспѣшно совершавшагося въ ея головѣ анализа всего того, что̀ до сихъ поръ между ними было, и отъ этого тревожнаго разбора все разомъ передъ нею преобразилось, полиняло и обветшало.

Она боялась ошибиться, боялась быть несправедливой, и въ невыразимой тоскѣ отъ внутреннихъ противорѣчій—зарыдала.

— Что съ вами!? Успокойтесь!—заговорилъ Николай Павловичъ, стараясь утѣшить ее.

— Успокоиться?—спросила съ странною улыбкой Вѣра, приподнимая свое лицо, по которому катились крупныя слезы.—Какъ же я могу успокоиться, когда я чувствую, что вы здѣсь и тѣмъ не менѣе далеко?!

Онъ ничего не возразилъ, но его неподдѣльное смущеніе, наконецъ, на нее подѣйствовало. Она отошла въ сторону и сѣла въ противоположномъ углу комнаты. Голова ея поникла, внутренній душевный разладъ терзалъ ее: она и любила, и прощала, и возмущалась притворствомъ. Николай Павловичъ еще болѣе смутился, видя, какъ она страдала. При отсутствіи душевной теплоты въ немъ, однако, онъ не питалъ и злобы. Ему было тяжело сознаніе причиненнаго имъ горя. Онъ причинилъ его зря, не предчувствуя его боли, по холодному разсчету кокетства. Собственный душевный холодъ поражалъ его самого. Ему было тяжело безъ всякихъ привязанностей жить на свѣтѣ, вѣчно играть передъ людьми какую-нибудь задуманную роль, вѣчно давать представленія, но никого не любить, ни къ кому не стремиться сердцемъ и, блуждая между людьми, связанными сердечными узами, ощущать въ собственной душѣ одинъ холодъ, усталость и нерасположеніе. Сознаніе собственной деревянности теперь томило его при видѣ реальнаго горя, которое онъ причинилъ не изъ злобы, а отъ душевной пустоты и безчувственности. Что онъ дѣлалъ? Чего онъ хотѣлъ до сихъ поръ отъ жизни? Онъ хотѣлъ пронестись надъ людьми блестящимъ метеоромъ, всѣхъ поразить, ослѣпить, приковать къ себѣ общее вниманіе и... потомъ обмануть всѣ ожиданія, не давъ никому ни тепла, ни свѣта. Онъ много трудился надъ изученіемъ героическихъ характеровъ, изображалъ ихъ при подходящихъ положеніяхъ, тѣшилъ себя этими представленіями. Но пройдутъ года, исчезнетъ живость и подвижность молодости, занимательность представленій ослабѣетъ, пропадетъ охота румяниться и коверкаться, бенгальскіе огни для освѣщенія ничтожныхъ дѣлъ погаснутъ, декораціи упадутъ прахомъ, зрители разбѣгутся—и что останется отъ всего этого шумнаго прошлаго для очнувшейся голодной души? Техническій навыкъ къ предательству, острая жажда сочувствія, неудовлетворимое желаніе—услышать простое доброе слово, встрѣтить братское теплое рукопожатіе.

Онъ откинулъ голову на спинку кресла и старался ни о чемъ

болѣе не думать. Его разрывала тоска, одиночество, вѣчный, никогда непрерывающійся разсчетъ всѣхъ его движеній...

Вѣра понимала его теперь, просвѣтленная только-что пережитымъ ею крушеніемъ. Она понимала, что не сочувствіе, не дружба къ ней вызывала его грусть, что вообще весь взрывъ его огорченія до нея не касался, и потому безучастно смотрѣла на этого холоднаго человѣка. Она мрачно смотрѣла на него, ничего не ощущая, кромѣ тоски и боли, и думала: „Неужели я его любила?“ Угаръ увлеченія разсѣялся, и пониманіе положенія ужасало ее. „О, неужели я его любила? Любить можно только что-либо прекрасное, высокое. Но какъ любить человѣка лживаго, порочнаго, человѣка безъ сердца? Какъ можно любить бездушіе, безобразіе?!“

И между этими людьми, за нѣсколько часовъ передъ этой сценой бывшими друзьями, внезапно выросла стѣна, на вѣки отдалившая ихъ другъ отъ друга.

— Уходите!—наконецъ, сказала Вѣра холодно, даже грубо.— Вамъ пора идти въ гости въ нѣмецкое общество, куда вы сегодня собирались.

— Въ гости? — повторилъ Николай Павловичъ съ горькой ироніей въ голосѣ.—*Теперь*... въ гости?—Но, тѣмъ не менѣе, онъ всталъ съ своего мѣста, соображая, что болѣе удобнаго момента для ухода можетъ не представиться. Онъ воспроизвелъ на своемъ лицѣ выраженіе огорченія, даже обиженности, подалъ ей руку и поспѣшно вышелъ изъ комнаты съ чувствомъ облегченія. Въ концѣ вечера онъ совершенно въ другихъ роляхъ восхищалъ своихъ ученыхъ нѣмцевъ и ихъ женъ, однимъ проповѣдуя о величіи науки, другимъ—о священности супружескихъ и материнскихъ обязанностей.

Часа три послѣ его ухода, Вѣра сидѣла неподвижно, мучаясь отъ внутреннихъ противорѣчій. Но мало-по-малу душевная буря стихла, и добрыя чувства снова овладѣли ею. „Что, если это только одна черная подозрительность разлучаетъ меня съ человѣкомъ, подобнаго которому я никогда не встрѣчала? Что, если онъ расположенъ ко мнѣ и чувствуетъ ко мнѣ большую дружбу? Что, если сегодняшняя тягостная сцена между нами вызвана однимъ недоразумѣніемъ, которому придется жертвовать спокойствіемъ всей жизни?... Нѣтъ, нельзя допускать недоразумѣнія портить жизнь, а нужно бѣжать за *нимъ*, пока есть хоть одинъ слабый лучъ надежды на *его* сердце“.

И вотъ, довѣріе и любовь снова зажглись въ ея душѣ. Ей казалось мелочностью—колебаться, изобрѣтать способы загладить

происшедшее, искать случайной встрѣчи съ нимъ. Она жаждала правды, простоты и искренности, и ей казалось, что все еще достижимо и еще близко. Она съ восторгомъ чувствовала, какъ воскресало ея, три часа назадъ, умиравшее сердце и снова любило и вѣрило, и она, почти счастливая, схватила листъ бумаги и написала дрожавшею рукой: „Берта говорила, что вы у нея будете завтра. Я зайду къ ней въ то же время, чтобы видѣть васъ. У меня нѣтъ къ вамъ никакого дѣла: я хочу васъ видѣть, конечно,—только *такъ*“.

Вѣра дрожала, какъ въ лихорадкѣ, входя на другой день къ Бертѣ въ ту самую комнату, гдѣ она встрѣтилась съ *нимъ* въ первый разъ. Вотъ тутъ они разъ очень долго и тепло говорили, вотъ тутъ часто читали... Тѣ же стѣны, тѣ же предметы въ комнатѣ, а... какой разгромъ въ сердцѣ!

Николай Павловичъ поспѣшно всталъ ей на встрѣчу, былъ очень оживленъ и особенно разговорчивъ. Берта оставила ихъ однихъ, какъ это она часто дѣлала въ послѣднее время, и они разговаривали по-русски. Его вчерашняя неловкость прошла безслѣдно. Вѣчныя преднамѣренныя настроиванья и разстроиванья всего душевнаго механизма произвели въ его душѣ какую-то затвердѣлость, черезъ которую онъ не ощущалъ неловкости отъ постоянной смѣны своихъ декорацій. Въ продолженіе своего долгаго оживленнаго разговора, онъ ни однимъ словомъ не напомнилъ объ ихъ вчерашнемъ свиданіи. Онъ говорилъ объ удовольствіи ее видѣть, о городскихъ происшествіяхъ, забрасывалъ ее разсказами, остротами, проектами развлеченій.

„Не такъ бы онъ держалъ себя, не то бы говорилъ, еслибы дѣйствительно былъ расположенъ ко мнѣ!“—подумала Вѣра и замолчала, поникнувъ головой. Опять начался ея внутренній разладъ, раздвоеніе души, горькое ощущеніе его неискренности. Неужели же, несмотря ни на что, опять объясняться съ нимъ, обнажать передъ нимъ сердце, передъ нимъ, не знающимъ правды, не ищущимъ и не цѣнящимъ ее?“—думала Вѣра, содрогаясь отъ дѣланности его рѣчи, видя, такъ сказать,—ея заводный механизмъ.

Она остановила на немъ свои унылые глаза и задумалась. Неужели нужно примириться съ этимъ добровольнымъ притворствомъ, кривляньемъ изъ любви къ искусству, потому что люди повсюду притворно относятся другъ къ другу, опошлиться, научиться *заводить себя* на разныя честолюбивыя темы, завинчиваться и развинчиваться? Нѣтъ, нужно поскорѣй спастись отъ привычки ко всему на свѣтѣ, отъ безчувственности передъ доб-

ромъ и зломъ и бѣжать куда-нибудь, гдѣ можно прожить правдиво, хотя бы это было на краю свѣта.

— Прощайте! — сказала она вдругъ, поспѣшно вставая.— Мнѣ пора идти. Теперь прощайте надолго!—Она не могла выговорить: *навсегда*, боясь низкихъ сценъ кривлянья, хотя въ душѣ рѣшила, что прощается съ нимъ навѣки.

Онъ былъ внимателенъ, старался *казаться* очень добрымъ. Вѣра выбѣжала изъ комнаты, не заходя проститься къ Бертѣ. Ей было тяжело, страшно. „*Тогда* я была сравнительно счастлива, —думала она, захлопывая за собою роковую дверь;—мнѣ много хуже теперь, при наступившемъ охлажденіи моего сердца". Она, какъ безумная, бѣжала по улицѣ. Ей попадались шумныя толпы на встрѣчу: мужчины заглядывали ей въ лицо, обертывались на нее, дѣлая громкія замѣчанія относительно ея разстроеннаго вида. „Oui, madame, il y a trop de soleil!"—закричалъ ей вслѣдъ какой-то франтъ, расхохотавшійся надъ ея развернутымъ, несмотря на наступившую темноту, зонтикомъ. Вѣрѣ было все равно. Она отвернулась отъ толпы, стараясь не слышать ея шума, и, почти закрывъ глаза, бѣжала по улицѣ, потому что въ толпѣ ей сильнѣе чувствовалось ея круглое одиночество. „Нужно скорѣе приниматься за дѣло и начинать здоровую и добрую жизнь!" твердила себѣ Вѣра, придя домой и бросаясь въ постель. Бездушная пустота и суета отношеній къ людямъ—измучила ее. Нужно все бросить, какъ вздоръ, и, пока не истрепалась вся душа, употребить себя на доброе дѣло.

Она прометалась всю ночь безъ сна. Голова ея была тяжела, сердце мучительно билось Она мысленно переживала всю свою жизнь. Изъ всего ея прошлаго ей только радостно вспомнилось кроткое, залитое слезами лицо ея матери, чарующая музыка ея простыхъ, нѣжныхъ словъ, сказанныхъ въ минуту ихъ разлуки; потомъ хрупкая и привлекательная Елена съ ея тихими, какъ вздохъ, прощальными словами, и потомъ нѣсколько сочувственныхъ улыбокъ и теплыхъ рукопожатій простыхъ, добрыхъ людей, съ которыми она бывала въ дѣловомъ общеніи, и этими воспоминаніями исчерпывалось все дорогое ей въ ея жизни. Эти сокровища ея прошлаго потомъ покрылись воспоминаніями цѣлой тьмы пустыхъ словъ—благорасположенныхъ и язвительныхъ— одинаково безъ всякаго значенія, уроненныхъ ей холодными лицами не съ выраженіемъ, а съ дѣланными гримасами сочувствія или осужденія. Припоминая все и всѣхъ, она старалась примириться и съ собою, и со всѣми другими, и уравновѣсить свое недомоганіе доброжелательствомъ ко всему живущему.

Утромъ, съ первыми лучами солнца, кто-то осторожно постучался въ дверь ея комнаты. Вѣра, шатаясь, подошла къ двери и отворила ее. Въ комнату вошла Берта.

— Такъ и есть!—вскричала она, съ тревогой смотря на блѣдное, измученное лицо Вѣры.—Я думала о тебѣ; я думала, что тебѣ нехорошо, и потому пришла къ тебѣ. Я не хочу допустить, чтобы ты страдала!

Передъ этой чистой душой Вѣра не хотѣла скрывать свое горе, но она не могла и не желала ничего разсказывать. Вотъ почему она поникла головой и молчала, а потомъ съ довѣріемъ положила свою усталую голову на плечо Бертѣ и тихо заплакала. Слезы облегчили ее, и душевная боль, даже отъ безмолвнаго присутствія друга, утратила свою остроту.

— Ну, кончено! — сказала она, улыбаясь печальной улыбкой. — Это горе пережито и скоро совсѣмъ замретъ. Нужно теперь собираться къ отъѣзду, начинать другую жизнь и страдать другими страданіями.

Всѣ ея дѣла были закончены, и она могла возвращаться домой. Она подняла поникшую голову и взглянула на Берту своими печальными глазами. И много кротости, терпѣнія и нѣжности прочла Берта въ ея взглядѣ.

X.

Черезъ двѣ недѣли, Берта провожала Вѣру на вокзалѣ. Со слезами на глазахъ, стояла она на платформѣ, смотря въ послѣдній разъ на милое лицо подруги.

— Дай Богъ тебѣ счастія!—говорила она.—Я не раздѣляю твоихъ воззрѣній, но ты мнѣ дорога, какъ явленіе новое, молодое и свѣтлое, пришедшее намъ на смѣну. Какъ жаль, что ты *его* здѣсь встрѣтила! Безъ этого несчастія ты больше силъ и бодрости вынесла бы отсюда!

— Нѣтъ, все къ лучшему!—съ живостью возразила Вѣра.—Изъ этого личнаго опыта я твердо узнала, какъ трудно сдѣлать добро другому, и какъ, наоборотъ, легко нанести ему вредъ и огорченіе безъ всякой злобы, а просто отъ невниманія и неосторожности.

— Правда?—спросила Берта, улыбаясь сквозь слезы.—Ну, да благословитъ тебя Богъ!

Вѣра ѣздила на могилу сестры и провела тамъ нѣсколько печальныхъ дней. Она цѣлые часы просиживала передъ зеленымъ холмикомъ, гдѣ были спрятаны останки разбитаго существа, не

вынесшаго трудностей жизни. Надъ нимъ росли цвѣты и пѣли птички, а кругомъ была разлита торжественная кладбищенская тишина. Потомъ она была въ нѣсколькихъ большихъ европейскихъ городахъ, для своихъ профессіональныхъ цѣлей, и между прочимъ въ Парижѣ. Тамъ разъ, совершенно случайно, она увидѣла Виктора, шедшаго подъ-руку съ какой-то молоденькой, розовой, улыбающейся женщиной. „Le roi est mort, vive le roi!“— промелькнуло въ головѣ Вѣры. Она не успѣла свернуть въ сторону, и они встрѣтились лицомъ къ лицу. Улыбка исчезла съ лица Виктора; онъ поблѣднѣлъ и выпустилъ руку своей дамы. Вѣра отвернулась и быстро пошла прочь. Это малодушіе, это отсутствіе мужества проявлять свои настоящія чувства, напомнили ей все его духовное убожество, погубившее сестру.

Проведя около года въ большихъ городахъ, насмотрѣвшись на массы людей изъ различныхъ слоевъ общества, вникая повсюду въ общественную, даже семейную жизнь, Вѣра, наконецъ, собралась домой, вынося изъ своего путешествія одно большое огорченіе. Она видѣла только одинъ мракъ, человѣческое недружелюбіе, войну каждаго съ каждымъ и со всѣми вмѣстѣ, механическія связи, гдѣ люди, при громадномъ внутреннемъ разладѣ, часто взаимномъ отвращеніи, грубо связаны вмѣстѣ удобствами или другими матеріальными выгодами сожительства, но она *нигдѣ* не встрѣтила настоящей любви, крѣпкихъ сердечныхъ связей, не видѣла свѣта и радостей.

Приближаясь къ Россіи, Вѣра сильно волновалась мыслями о родинѣ и о предстоящей тамъ жизни. Она чувствовала, что для нея уже наступаетъ настоящая жизнь, что на нее надвигаются трудности, печали и обиды дѣйствительности, и тоскливо смотрѣла на толпу изъ оконъ вагона. Въ этой разнообразной, шумной, иногда очень большой толпѣ часто мелькали раздраженныя, злыя лица, изъ нея долетали язвительныя, оскорбительныя слова, и ужасъ передъ наступающей жизнью потрясалъ Вѣру. Сознаніе своей величайшей слабости убѣждало ее, что, при первыхъ же ея шагахъ, ее сомнетъ могущественное теченіе установившейся жизни и раздвоитъ ея безпомощную душу, гдѣ, какъ въ маленькой лампадкѣ, теплятся добрыя чувства, но нѣтъ ни силъ, ни желанія бороться.

Переѣхавъ границу, она попала въ купэ, занятое до ея прихода двумя молодыми людьми и одной старушкой, которая немедленно улеглась отдыхать. Лицо одного изъ молодыхъ людей показалось очень знакомымъ Вѣрѣ. „Да, это Александръ Станевскій!“—рѣшила она, хорошо всмотрѣвшись. Въ то время, какъ

она хотѣла, но еще не рѣшалась напомнить ему ихъ старинное знакомство, молодой человѣкъ поспѣшно обернулся къ своему сосѣду.

— Анатолій, неужели это вы! Какая встрѣча! — вскричалъ онъ, и яркая краска покрыла утомленное и прекрасное лицо его.—Узнаёте ли?—прибавилъ онъ, беря сосѣда за руку и крѣпко сжимая ее.

Сосѣдъ устремилъ на него свои серьезные, холодные глаза сначала вопросительно, потомъ съ оттѣнкомъ удовольствія и произнесъ съ теплотой:

— Александръ Станевскій! Конечно, вы?

Они крѣпко взялись за руки и въ волненіи смотрѣли другъ на друга.—Какъ давно мы не видѣлись! Болѣе десяти лѣтъ!

Десять лѣтъ! Жизнь неслась, сталкивала и разлучала ихъ съ разнообразными людьми, поражала впечатлѣніями, убѣждала и разубѣждала, возвышала и унижала, толкала на хорошее и дурное,—и вотъ они, разставшись юношами, стоятъ теперь другъ передъ другомъ, вопросительно осматриваясь.

— Гдѣ вы? Какъ вы существуете? Я совершенно потерялъ васъ изъ вида,—наконецъ, выговорилъ Александръ Станевскій.—Разскажите поскорѣе о себѣ. Помните ли вы стремленія и завѣты нашей молодости?

— Да, я помню ихъ,—отвѣтилъ съ разстановкой Анатолій,—и, кажется, не измѣнилъ имъ, хотя я иду совершенно не той дорогой, которою предполагалъ идти въ юности. Я служу чиновникомъ. Я вношу человѣчность, сколько умѣю и могу, въ кругъ моей дѣятельности. Я чувствую, что хорошо вліяю на моихъ окружающихъ. У меня семья: жена—мой лучшій другъ; дѣти мои способны и хорошо направлены. Имъ принадлежатъ всѣ мои заботы и всѣ результаты моего труда. Я тороплюсь высказаться, и боюсь, что въ этомъ спѣшномъ пересказѣ жизнь моя покажется вамъ слишкомъ узкой. Правда, она не отвѣчаетъ радикальнымъ стремленіямъ нашей юности, но, не говоря уже о моей способности или неспособности къ дѣятельности въ томъ направленіи, я не вижу для нея теперь никакой задачи и, не желая пропадать въ неопредѣленныхъ и безплодныхъ порывахъ, расходуюсь на несложное, правда, но полезное дѣло. Оно не громадно, но оно *нужно*, и я отдаюсь ему съ радостью. Я думаю, что мы ошибались въ юности, проповѣдуя крайнюю разборчивость въ дѣятельности: можно облагородить каждое занятіе, а, гоняясь за громкими дѣлами, легко растратить жизнь безплодно, даже каррикатурно.

Блѣдное лицо Станевскаго покрылось яркой краской и тотчасъ же поблѣднѣло болѣе прежняго.

— А я не принадлежу къ числу тѣхъ людей,—сказалъ онъ задрожавшимъ голосомъ,—которые считаютъ себя вправѣ требовать отъ другихъ самыхъ высокихъ услугъ для общественнаго дѣла; я цѣню въ каждомъ все хорошее, что̀ онъ сдѣлалъ, не терзая его за то, что онъ не сдѣлалъ бо̀льшаго и лучшаго; меня возмущаетъ строгая, слѣдовательно несправедливая, требовательность при оцѣнкѣ человѣческихъ качествъ,—но, тѣмъ не менѣе, я не раздѣляю вашей жизненной философіи. Хорошо отдаться несложному, какъ вы говорите, но недурному дѣлу; хорошо цѣнить простой, полезный и ненапыщенный трудъ; но благоразумно ли, во время поголовнаго духовнаго паденія, безнадежности и разрушенія идеаловъ, идти въ такое дѣло? Не обязательно ли, во время такого общаго пониженія уровня, держаться во что̀ бы то ни стало на высотѣ своихъ гражданскихъ требованій и проводить ихъ въ жизнь, несмотря на неудачи и крушенія?

— Какъ же вы живете при такомъ настроеніи?—спросилъ его Анатолій.

— Я—учитель; я—докторъ; я—литераторъ; я—все и ничего; я ищу участія во всякомъ, по-моему, хорошемъ общественномъ дѣлѣ; я прицѣпляюсь къ каждому человѣку съ сердцемъ и талантомъ, чтобы научиться отъ него доброму; я бросаюсь во всѣ міры, хватаюсь за многія дѣла,—лишь бы они казались мнѣ добрыми и касались многихъ.

— Но вѣдь все это чистѣйшіе пустяки!—перебилъ его Анатолій.—Не благоразумнѣе ли—при отсутствіи серьезнаго дѣла—приготовиться къ нему, запастись нужными познаніями и силами, и уже потомъ, солидно вооружившись, проявить что-либо значительное въ вашемъ направленіи? Повѣрьте,—прибавилъ онъ наставительно,—что для выжидательнаго подготовленія къ дѣятельности нужно больше любви къ дѣлу, чѣмъ для саморазбрасыванія на мелкія безразсудства.

— Нѣтъ, — возразилъ Александръ, — я не могу проходить безучастно мимо живыхъ дѣлъ, кричащихъ о нуждѣ въ помощи, на основаніи того, что дѣло невелико, и я самъ неподготовленъ для значительныхъ услугъ людямъ. Такимъ образомъ можно вѣчно мѣшать всякому живому движенію сердца, потому что впереди всегда останется много работы для самоусовершенствованія. Нѣтъ, лучше дать просторъ чувствамъ и жить, какъ умѣешь. У меня нѣтъ знаній, чтобы руководить большимъ общественнымъ дѣломъ,

но есть настолько духовнаго чутья, чтобы въ каждомъ дѣлѣ присоединиться къ честной сторонѣ и быть ей полезнымъ, какъ смогу. Я знаю, что я и мнѣ подобные, мы принадлежимъ къ вырождающемуся человѣческому виду: мы, безсильные и жалкіе, лысые и беззубые съ двадцати-пяти лѣтъ, мы погибнемъ, какъ мыльные пузыри. Передъ натискомъ хищной, жестокой и злой установившейся жизни—мы часто безсильно топчемся на одномъ мѣстѣ, не зная, къ чему приложить руки... И все же я, занимаясь азбукой съ деревенскими ребятишками, или носясь по дебрямъ, куда глаза глядятъ, въ поискахъ хорошей жизни, или просто смотря на голубое небо въ томленіи бездѣйствія, я, такой жалкій бродяга, я все же стою ближе къ идеалу, чѣмъ вы, совершающіе ваше „полезное“ дѣло, танцующіе въ пользу бѣдныхъ, произносящіе хвалебные спичи разнымъ злымъ людямъ и всѣми доступными вамъ способами поддерживающіе дурную жизнь...

Поѣздъ подошелъ къ большой станціи и остановился.

— Мнѣ тутъ нужно выходить,—сказалъ Александръ, вставая съ мѣста.—Мы, вѣроятно, больше не увидимся, да и не надо. Наши пути не совпадаютъ, и намъ нѣтъ ни нужды, ни отрады другъ въ другѣ. Я не упрекаю васъ, но я вамъ не сочувствую. Пусть каждый живетъ, какъ ему кажется лучше, но я не промѣняю моего бездѣлья на ваше систематическое дѣло. Вся ваша холодная жизнь съ ея мелкими успѣхами, дурными чувствами—есть возведеніе своего переливанья изъ пустого въ порожнее на высоту какого-то разумнаго дѣла. — Раздался звонокъ. — Прощайте!—сказалъ Александръ и исчезъ.

— Станевскій, здравствуйте!—вскричала Вѣра, высовываясь изъ окна вагона, когда Александръ проходилъ мимо.—Я была рада васъ видѣть и особенно слышать! А гдѣ ваша сестра и Наталья Алексѣевна?

— Сестра,—отвѣчалъ Станевскій, съ трудомъ узнавая Вѣру, —приспособилась къ новымъ теченіямъ: теперь съ вѣсомъ и вліяніемъ, въ замужествѣ и сообществѣ съ такимъ же злостнымъ умникомъ, какъ она сама. А Наталья Алексѣевна погибла... Знаете, въ процессѣ... Теперь—Богъ знаетъ, гдѣ она...

Вагонъ тронулся. О, ясное утро знойнаго дня! Значитъ, потомъ дѣйствительно наступила гроза, произведшая всѣ эти опустошенія въ душахъ; но *тогда* былъ только свѣтъ и теплота—не больше.

„Что же осталось реальнаго,—думала Вѣра, приближаясь къ Москвѣ,—отъ всего нашего милаго прошлаго, отъ всѣхъ на

половину погубленныхъ, на половину искалѣченныхъ друзей незабвенной юности? Лучшіе, прямолинейные, великодушные—погибли безъ слѣда; худшіе—изъ самосохраненія передѣлались во что-то однобокое, уродливое. Все *тогдашнее* разбито, разбросано, почти стерто съ лица земли, и я, какъ послѣ кораблекрушенія, выброшена теперь на чужой берегъ, гдѣ мнѣ все незнакомо, непонятно, гдѣ я не знаю, куда приклонить голову и за что взяться. Путеводная звѣзда моя закатилась... Чувствую, что я не туда попадаю, куда шла. Какъ же мнѣ выбраться изъ тьмы недоумѣній и разочарованій къ свѣту и хорошей жизни? Не помогутъ ли мнѣ найти опору для расшатанныхъ мыслей и смущенныхъ чувствъ нравоученія моей заграничной жизни? Кого и что я тамъ видѣла? Видѣла жесткихъ, себялюбивыхъ, самомнительныхъ дѣятелей,—слабыхъ, безпомощныхъ, лѣнивыхъ женщинъ, ихъ союзы, для взаимнаго обмана, въ интересахъ благополучнаго житія...

„Неужели же и я, жадно стремясь къ общенію съ людьми, буду заключать съ ними подобные же союзы,—тоже буду воевать съ своими союзниками за свои личныя удобства и удовольствія, тоже буду наносить удары направо и налѣво, произносить слова любви и совершать жестокіе поступки, носить злое раздраженіе въ сердцѣ, совмѣщать въ жизни добрыя намѣренія со злой практикой?“

Вѣра совершенно ясно чувствовала, что не желаніе борьбы за свое преобладаніе, не желаніе настойчиво проводить, навязывать, вталкивать во что бы то ни стало повсюду свои мысли и чувства, а благорасположеніе ко всему существующему, безконечная жалость къ мечущимся въ грѣхахъ и горяхъ людямъ горѣла въ ея сердцѣ. „Нѣтъ, не воевать, не бороться,—думала она,—а всѣмъ сердцемъ сострадать всѣмъ страждущимъ хочу я въ этой общей свалкѣ и быть имъ полезной... Кому же стараться быть полезной? Кому служить въ жизни? Тѣмъ ли, кого я понимаю и кому сочувствую, или всѣмъ, кому помочь сподобитъ случай? Да, всѣмъ, кому можно, не разбирая правыхъ и виноватыхъ. Мое ли это дѣло—судить другихъ людей? мнѣ ли, слабой, еле держащейся на ногахъ—порицать, осуждать? Нѣтъ, служить нужно всѣмъ, кто страдаетъ, потому что нѣтъ отнынѣ для меня ни правыхъ, ни виноватыхъ, а есть только болѣе или менѣе несчастные... А соболѣзнующій взглядъ, во-время протянутая рука страдальцу, мягкій окликъ милосердія человѣку, который на краю погибели, неизмѣримо выше по своему смыслу и по результатамъ—злой борьбы и всѣхъ ея кровавыхъ трофей.

Слова всепрощенія послужатъ призывомъ къ добру и для падшей души, а душѣ невиннаго страдальца дадутъ большую отраду...

Черезъ нѣсколько дней Вѣра одна сидѣла на той самой горѣ, гдѣ, восемь лѣтъ назадъ, она съ сестрой и Викторомъ втроемъ мечтали о жизни. Много цѣнныхъ душевныхъ силъ съ тѣхъ поръ растеряно, но любовь къ жизни уцѣлѣла, несмотря на удары, испытанія, даже униженія. Въ отвращеніи къ тяжелымъ положеніямъ, въ которыя неизбѣжно ставитъ дѣйствительность, въ крайней требовательности безупречной чистоты всѣхъ отношеній при теперешнихъ условіяхъ — лежитъ, казалось ей, великая ошибка: нужно многимъ попуститься, сдѣлать уступки, принять на себя страданіе. Нужно отрѣшиться отъ холодной пассивной чистоты, чтобы жить съ чужими грѣхами, ошибками, съ горемъ и слезами. Только непремѣнно жить съ людьми, растворяться въ потокѣ другихъ жизней, участвовать въ общихъ заботахъ и дѣлахъ безъ сухихъ правилъ, безъ прописной морали, руководясь сердцемъ: оно проведетъ къ возможной святости черезъ всѣ мытарства и защититъ отъ бѣдъ щитомъ своей любви.

— Туда! Туда!—вскричала Вѣра, опять, какъ восемь лѣтъ назадъ, вскакивая съ мѣста и тѣмъ же порывистымъ жестомъ простирая вдаль руки.—Придется оставить навсегда высокомѣрные помыслы — спасать людей и ломать строй окружающей жизни. Теперь я буду считать себя счастливой, если съумѣю хоть кому бы то ни было помочь въ трудномъ положеніи, облегчить какое бы то ни было горе, однимъ словомъ, совершить не подвигъ, а простое проявленіе любви и милосердія, и оживить мое сердце настолько, чтобы оно могло *всѣхъ любить* и *все простить*: въ этой простой формулѣ собрались результаты всей моей духовной жизни—вся премудрость многолѣтней работы головы, все живое чувство сердца...

Надежда Суслова.